НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XLIII г. № 52 — г. XLIII 1912

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложеній, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

Выданъ 29-го декабря 1912 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается **„Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 21.**

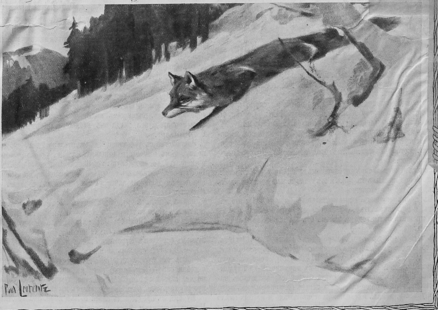
ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1913 г.

Съ приложеніемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. И. ТЮТЧЕВА, ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА, В. ВЕРЕСАЕВА, МОЛЬЕРА.

12 книгъ „Ежемѣсячныхъ Литературныхъ и Популярно-Научныхъ Приложеній“ и пр.



П. Лейтерицъ. За добычей.

Двѣ любви.

Разсказъ **Бориса Лазаревскаго**.

Перепечатка воспрещается.

Только на сороковомъ году жизнь Муромцева устроилась болѣе или менѣе сносно. Онъ добился перевода въ Петербургъ. Работать здѣсь оказалось легче, чѣмъ въ провинціи, и жалованье было больше. Сослуживцы попались люди образованные, корректные и не лѣзли въ его интимный міръ.

Въ свободное время Муромцевъ посѣщалъ выставки картинъ и самъ недурно рисовалъ акварелью, а иногда писалъ и масляными красками. Театры его не интересовали. Въ первый разъ онъ жилъ совсѣмъ одиноко, въ двухъ комфортабельно меблированныхъ комнатахъ. Знакомства и всякой близости съ женщинами избѣгалъ и боялся.

Въ прошломъ было слишкомъ много мелодраматическихъ и просто скучныхъ исторій, которыя всѣ безъ исключенія начинались очень поэтически и кончались по шаблону. Провинціальныя героини скоро оставили его въ покоѣ, кромѣ одной Настеньки.

Три или четыре раза въ мѣсяцъ приходили ея письма, всегда трогательныя, съ неясно выраженной надеждой на то, что онъ вернется и сдѣлаетъ ей формальное предложеніе. Настенька служила въ страховомъ обществѣ, и было ей уже подъ тридцать. Тонкую желтоватую шею всегда облегала розовая лента съ медальономъ. Высокая, худая, съ печальными глазами, она внушала Муромцеву только жалость.

Чтобы не волновать Настеньку, онъ всегда старался говорить съ нею особенно привѣтливо и ласково, какъ говорятъ съ дѣтьми. Однажды въ апрѣльскій лунный вечеръ они пошли вмѣстѣ погулять по широкой, обсаженной столѣтними вербами, дорогѣ. Какъ и всегда, Настенька жаловалась на скуку провинціальной жизни.

Сѣли на пригоркѣ отдохнуть.

Муромцевъ не зналъ, что отвѣчать, молчалъ и думалъ: „Но вѣдь ни для какой другой работы ты не годишься, и уѣзжать тебѣ не зачѣмъ и некуда... Безжалостный Петербургъ съѣстъ тебя, хрупкую, неразумную, въ одинъ годъ“.

Когда онъ поднялъ голову, то увидѣлъ, что Настенька плачетъ. Неожиданно для самого себя Муромцевъ обнялъ ее и поцѣловалъ сначала въ лобъ, потомъ въ оба глаза, затѣмъ въ губы и нѣжно произнесъ:

Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы,
Погоди немного,
Отдохнешь и ты...

Настенька скоро успокоилась, и хотя больше ничего не произошло и не было сказано, но вернулась она домой счастливая, съ горящимъ лицомъ.

А Муромцевъ злился на себя и долго не могъ заснуть, курилъ папиросу за папиросой и мысленно произносилъ: „Скорѣй бы удрать, скорѣй бы удрать изъ этого кладбища для живыхъ“.

Черезъ двѣ недѣли онъ прочелъ приказъ о своемъ новомъ назначеніи и уѣхалъ, ни съ кѣмъ не попрощавшись. И то самое одиночество, которое въ маленькомъ городкѣ казалось невыносимымъ, теперь радовало его.

Сначала немного тревожили слишкомъ пылкія письма Настеньки, но онъ скоро привыкъ къ нимъ и отвѣчалъ только послѣ каждыхъ трехъ, коротко и сдержанно.

„Въ концѣ концовъ сентиментальной барышнѣ все это надоѣстъ, и она замолчитъ“, —утѣшалъ онъ самого себя.

Но прошелъ почти годъ, а письма отъ Настеньки все-таки получались.

Въ тотъ самый день, когда Муромцевъ былъ глубоко убѣжденъ, что его сердце уже навсегда потеряло способность увлекаться, онъ увидѣлъ въ музеѣ Александра III дѣвушку, копировавшую пейзажъ Волкова. Ничего особеннаго въ наружности этой художницы не было: въ простенькой синей блузкѣ съ бархатнымъ воротникомъ, гладко причесанная, въ пенснэ на правильномъ носу, она щурилась, дѣлала нѣсколько шаговъ назадъ и потомъ смѣло и просто клала на холстъ мазокъ. Муромцевъ вышелъ изъ музея немного встревоженнымъ и на Невскомъ чуть-чуть не попалъ подъ трамвай.

За обѣдомъ онъ ѣлъ плохо и все время ясно представлялъ себѣ дѣвушку въ синей блузкѣ съ бархатнымъ стоячимъ воротникомъ и красивымъ простымъ узломъ золотистыхъ волосъ на затылкѣ.

Съ этого времени въ немъ какъ-будто жило два вѣчно спорившихъ человѣка. Одинъ говорилъ: „Ты ее съ перваго взгляда полюбилъ и теперь уже никогда и никуда не спрячешься отъ желанія видѣть ее какъ можно чаще“... Другой отвѣчалъ: „Пустяки, все это улетитъ такъ же быстро, какъ и налетѣло“.

Но побѣдилъ первый, потому что Муромцевъ, точно загипнотизированный, въ ближайшее воскресенье утромъ пошелъ и попросилъ разрѣшенія копировать тотъ же пейзажъ. Несмотря на смущеніе отъ близости дѣвушки съ бархатнымъ воротникомъ, работа сразу наладилась особенно удачно. Легко угадывались краски и ложились послушно, быстро и такъ, какъ онъ хотѣлъ, — точно у самого Волкова.

За два раза картина очень подвинулась. Муромцевъ замѣтилъ нѣсколько одобрительныхъ спокойныхъ взглядовъ сосѣдки на свой холстъ, хотѣлъ заставить себя не радоваться и все-таки былъ счастливъ, какъ мальчикъ, получившій пятерку.

Въ среду съ утра особенно ярко, не по-петербургскому, свѣтило солнце, и паркетные полы въ музеѣ отражали фигуры немногихъ посѣтителей. Просто и гордо стояла обнаженная Фрина Семирадскаго. Ласково извивались на фонѣ украинскаго пейзажа русалки Маковскаго.

Но Муромцевъ ничего этого не видѣлъ и, не слыша своей собственной походки, быстро направился въ комнату, гдѣ работала дѣвушка съ бархатнымъ воротникомъ.

Муромцевъ сдѣлалъ полупоклонъ и побоялся посмотрѣть, отвѣтила ли на него сосѣдка. Онъ поправилъ мольбертъ, открылъ ящикъ и выдавилъ нѣсколько свѣжихъ красокъ на палитру. [illegible] все пошло какъ слѣдуетъ, только, когда въ одномъ мѣстѣ нужно было снять съ неба грязноватое пятно, не оказалось шпахтеля.

„И какъ же это я не вложилъ его“, —подумалъ онъ съ досадой, неожиданно для самого себя повернулъ голову къ художницѣ и сказалъ:

— Можно на секундочку воспользоваться вашимъ шпахтелемъ? Я забылъ свой.

— Пожалуйста.

Она кивнула головой и поправила пенснэ.

Больше ничего не было сказано, но Муромцевъ уже зналъ навѣрное, что они познакомятся, а опытъ предыдущей жизни подсказалъ, что, можетъ, будетъ нѣчто большее. Страшно и сладко сдѣлалось отъ этой мысли, и онъ вдругъ почувствовалъ себя не сорокалѣтнимъ, видавшимъ виды, человѣкомъ, а точно студентомъ перваго курса, когда онъ влюбился въ пятнадцатилѣтнюю Соню Штааръ.

Знакомство съ художницей дѣйствительно началось, и гораздо проще, чѣмъ онъ этого ожидалъ. Самымъ удивительнымъ было, во-первыхъ, то, что дѣвушка съ бархатнымъ воротникомъ—Вѣра Викторовна—оказалась замужней женщиной, и, во-вторыхъ, что она первая рѣшилась зайти къ нему посмотрѣть, какъ сказалъ Муромцевъ, его „мазню“.

Держась правой рукой за пенснэ и не снимая шляпы, она осмотрѣла этюды на стѣнахъ, потомъ сѣла и молча перелистывала нумера „Figaro Illustré“. Изъ масляныхъ эскизовъ ей особенно понравился „Шляхъ“—та самая большая дорога, по которой при лунномъ освѣщеніи Муромцевъ когда-то гулялъ съ Настенькой.

— Эта вещь совсѣмъ не плохая и показываетъ, что вы могли бы быть не только дилетантомъ, — сказала Вѣра Викторовна и добавила: — Впрочемъ, у всѣхъ насъ жизнь складывается иначе, чѣмъ мы хотимъ. И, конечно, лучше принадлежать къ искусству хоть такъ, какъ принадлежимъ мы съ вами, чѣмъ никакъ...

Муромцевъ предложилъ своей гостьѣ кофе, она не отказалась. Потомъ засмѣялась, сняла пенснэ и спросила:

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ принимали меня за дѣвушку?

— Да... У васъ такое лицо...

Вѣра Викторовна вдругъ стала серьезной.

— Положимъ, что я всего одинъ годъ была замужемъ, отъ девятнадцати до двадцати, а теперь вотъ уже третій годъ, какъ принадлежу только мамѣ и живописи и, право, не жалѣю. Вамъ навѣрное кажется, что я ношу въ своей душѣ трагедію... Но ничего подобнаго не было. Все очень просто. Мой отецъ былъ генералъ, послѣ котораго мама получаетъ довольно большую пенсію, и такъ кое-что у насъ есть... Еще со временъ студенчества у насъ бывалъ нѣкій Вася-юристъ, не глупый человѣкъ, но... но когда онъ сталъ помощникомъ присяжнаго повѣреннаго и моимъ законнымъ мужемъ, то вдругъ совсѣмъ замолчалъ о любви и необыкновенно нахально началъ требовать денегъ и денегъ, которыя нужны были „для представительства“... Мнѣ это не понравилось. Слава Богу, что у насъ не было ребенка... Затѣмъ произошло два-три очень крупныхъ разговора, а затѣмъ разводъ, котораго мужъ сначала не хотѣлъ давать. Но теперь онъ нашелъ себѣ по объявленію то, что ему нужно, и собирается снова жениться. Я очень рада. Не дай Богъ выходить замужъ безъ любви, а я только теперь поняла, что никогда его не любила...

Слова „теперь поняла“ очень взволновали Муромцева.

Вѣра Викторовна встала и, подавая руку, ласково улыбнулась:

— Ну-съ, до свиданія. Копія моя съ Волкова кончена, а если вы хотите меня еще видѣть, то приходите къ намъ въ субботу, въ пять часовъ, прямо къ обѣду. Я вамъ покажу кое-что изъ своихъ работъ.

Проводивъ ее, Муромцевъ долго шагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и думалъ:

„Все великое и дѣйствительно хорошее — просто... Тысячи я видѣлъ и красивыхъ и некрасивыхъ, и умныхъ и глупыхъ, и талантливыхъ и бездарныхъ, а такой не видѣлъ. Тутъ и талантливость и изящество, и умъ и настоящій аристократизмъ духа. И храбрость... Не побоялась зайти ко мнѣ, одинокому, почти неизвѣстному... Чуяла, что ея одного взгляда достаточно, чтобы заставить меня быть такимъ, какимъ она хочетъ. Съ ней пришло ко мнѣ настоящее счастье, въ первый разъ...“

Въ субботу онъ волновался еще больше. На службѣ старался быть какъ можно корректнѣе и ласковѣе съ подчиненными. Возвращаясь домой, далъ извозчику лишній двугривенный. И вообще Муромцеву въ этотъ день ужасно хотѣлось быть во всѣхъ отношеніяхъ безупречнымъ. Секунду онъ подумалъ, надѣвать ли сюртукъ, или смокингъ и надѣлъ сюртукъ.

Сразу было видно, что Вѣра Викторовна ему обрадовалась, но генеральша осмотрѣла его нѣсколько подозрительно и почти сразу начала его распрашивать о службѣ. Онъ отвѣчалъ, стараясь иронизировать, — такъ казалось легче:

— Послѣ университета думалъ поступить въ Академію Художествъ, но попалъ въ Министерство Финансовъ, да еще въ акцизъ, и пятнадцать лѣтъ добивался вырваться изъ провинціи. Сто разъ обѣщали, а въ сто первый и перевели наконецъ...

Послѣ обѣда Вѣра Викторовна повела его въ свою комнату и успѣла сказать:

— Мама у меня человѣкъ старыхъ завѣтовъ и послѣ моего замужества особенно боится всѣхъ невоенныхъ. А я какъ разъ наоборотъ—очень не люблю военныхъ.

Она звонко разсмѣялась и показала на приколотый надъ письменнымъ столомъ этюдъ:

— Видите, это я дѣлала въ деревнѣ. „Немножко черезчуръ“,—какъ говорятъ въ Одессѣ:—яркое небо, но это—Херсонская губернія. А вотъ мой кавказскій набросокъ, Бештау... Трудно бываетъ уловить эти переходы на горахъ изъ лиловаго въ синій... Чуть ниже сдѣлаешь—и уже нелѣпость получается...

Весь вечеръ прошелъ для Муромцева, какъ полчаса. За одну недѣлю у него даже измѣнилось выраженіе лица. Съ Вѣрой Викторовной они обходили всѣ выставки. Два раза удалось попасть въ Маріинскій театръ на „Шаляпина“... О любви еще не говорили, но она уже была между ними, крѣпкая, настоящая, безкорыстная и свободная.

Уже близилась весна. Вѣра съ матерью собирались въ Киссингенъ, и это мучило. Непріятно поражали и вдругъ ни съ того ни съ сего участившіяся письма Настеньки. Не хотѣлось на нихъ отвѣчать, и Вѣрѣ онъ ихъ почему-то не показывалъ. Въ началѣ апрѣля Муромцевъ и Вѣра поѣхали на Иматру. Долго стояли надъ клокочущей бездной.

— Голова кружится,—громко сказала Вѣра.

— Вы могли бы туда броситься? — почти крикнулъ Муромцевъ, потому что за шумомъ воды плохо было слышно.

— Нѣтъ. Развѣ если бы сошла съ ума... А вы?

— Я?.. Я?.. Только въ двухъ случаяхъ. Во-первыхъ, если бы узналъ навѣрное, что мы никогда больше не увидимся, а во-вторыхъ, если бы и вы туда бросились...

Она откинула голову назадъ, сняла пенснэ, прищурилась и особенно отчетливо спросила:

— Это правда?

Муромцевъ покраснѣлъ, посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и такъ же отчетливо и громко произнесъ:

— Памятью своей матери клянусь, что правда!

На зрачкахъ Вѣры мелькнула влага. Отъ водопада къ станціи шли молча. И на обратномъ пути какъ-то мало говорили, хотя были въ купэ совсѣмъ одни. За Теріоками Муромцевъ подумалъ: „Теперь или никогда“—и сказалъ:

— Видите, вотъ что... Вы съ мамой собираетесь за границу. Я бы тоже хотѣлъ. Я возьму отпускъ. У меня есть около полуторы тысячи рублей. Послушайте... Я не знаю, какъ это дѣлается, но жить безъ васъ дальше—глупо, я не могу себѣ представить такой жизни. Послушайте, я буду хорошимъ мужемъ, я отдамъ вамъ все свое существованіе, мнѣ не нужно ничего вашего, только... только будьте моей женой,—произнесъ онъ коротко и чуть не заплакалъ.

Вѣра подняла рѣсницы, потомъ отвернулась къ окну и сказала:

— Хорошо.

Гулъ вагона показался Муромцеву симфоніей.

„Чтобы вышло не шаблонно, не нужно больше говорить объ этомъ,—подумалъ онъ.—И не нужно ни цѣловать ее ни переспрашивать. Такія женщины отъ своихъ словъ не отказываются...“

Только возлѣ Парголова Муромцевъ произнесъ:

И теперь же, сейчасъ послѣ Пасхи...

— Хорошо...

Онъ не удержался, обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ въ губы.

Вошелъ кондукторъ и отобралъ билеты. Въ Петербургѣ разстались до вечера. Домой Муромцевъ ѣхалъ въ трамваѣ, и всѣ пассажиры и пассажирки казались ему умными и добрыми.

Въ квартирѣ на столѣ оказалось письмо отъ Настеньки. И видъ этого мѣщански-розовенькаго конверта теперь не оскорбилъ его. Захотѣлось только быть и по отношенію къ Настенькѣ ласковымъ, справедливымъ и все понимающимъ.

Письмо начиналось обычнымъ восклицаніемъ: „Дорогой“ и было очень длинное. Онъ началъ читать послѣднюю страницу:

„ ... Я живу только памятью о тебѣ. Я сумѣю вымолить у Бога тебѣ счастье съ другой женщиной и сама буду счастлива этимъ счастьемъ...“

„Высокопарно и слишкомъ часто повторяется слово „счастье“,— мелькнуло въ головѣ у Муромцева. Онъ отложилъ эти розовые листки въ сторону и сейчасъ же, чтобы не быть невѣжливымъ, сѣлъ писать отвѣтъ:

„Письмо твое меня тронуло. Вообрази, я получилъ его въ тотъ самый моментъ, когда я дѣйствительно въ первый разъ въ жизни подошелъ къ счастью совсѣмъ близко. Мнѣ стыдно думать о твоемъ чувствѣ ко мнѣ. Хочется что-то для тебя сдѣлать. Я напишу управляющему отдѣломъ страхового общества въ Харьковѣ, я съ нимъ былъ когда-то знакомъ... Можетъ, онъ устроитъ тебѣ переводъ...“

Муромцевъ подписался полной фамиліей и подумалъ: „Слѣдовало бы ей отвѣтить на „вы“, но это ничего. Я скажу Вѣрѣ, и она все пойметъ. Во всякомъ случаѣ это мое послѣднее письмо“.

Настенька долго молчала, и Муромцевъ совсѣмъ забылъ о ней.

Отвѣтъ пришелъ только на первый день послѣ свадьбы, когда Муромцевъ и Вѣра готовились къ отъѣзду въ Киссингенъ. Отвѣтъ очень короткій, состоявшій только изъ пяти словъ: „Такъ будь же ты проклятъ!..“

Муромцевъ молча протянулъ эту бумажку женѣ. Вѣра прочла, тяжело вздохнула и сказала:

— Несчастная... Но вѣдь мы же съ тобой не виноваты въ томъ, что родились счастливыми...

Г. Лауэнштейнъ.

„Радость моя быть съ сынами человѣческими“...

В. Гольманъ-Гентъ.

Лэди изъ Шалота. Изъ поэмы Теннисона „The Lady of Shalot“.

Даръ.

Разсказъ Л. Авиловой.

Перепечатка воспрещается.

Мелкая сѣтка дождя въ быстро сгущающихся сумеркахъ.

Въ комнатахъ уже зажгли лампы, а въ окна еще ползетъ голубоватый дневной свѣтъ, и еще ясно видно, какъ качаются отъ вѣтра деревья сада, какъ летятъ подъ облаками грачи; видно, какъ разбѣгаются по песчаной площадкѣ цвѣтника дождевые ручейки, огибая пестрыя клумбы, среди которыхъ теперь выдѣляются только бѣлые цвѣты. Но быстро сгущаются сумерки.

Вотъ уже не видно ни клумбъ ни ручейковъ, и только на фонѣ неба еще ясны зубчатыя очертанія верхушекъ деревьевъ. Изъ боковой аллеи выбѣгаетъ, точно спасаясь отъ погони, женская фигура и быстро поднимается на балконъ. Дверь не заперта. Въ столовой горитъ висячая лампа, накрытъ столъ для чая, и, занимая всю узкую сторону стола, стоитъ большое кресло на колесахъ. Въ креслѣ сидитъ старуха съ бѣлыми волосами, съ красивымъ, свѣжимъ лицомъ. Около нея играютъ дѣти, и тутъ же, у стола, другъ противъ друга, сидятъ двѣ няни: одна—полная, съ смуглымъ, красивымъ, всегда улыбающимся лицомъ, похожимъ на икону, вся въ темномъ и въ черномъ платочкѣ на головѣ; другая—худенькая, старенькая, съ вылинявшими, потухшими глазами, съ ввалившимся ртомъ, который она всегда закрываетъ костлявой рукой со скрюченными пальцами. На ней большой бѣлый фартукъ и бѣлый чепецъ съ оборкой. Первую зовутъ Аграфеной, и она ходитъ за старой больной барыней, вторую зовутъ Агаѳьевной, и она няньчитъ дѣтей. Обѣ няньки не любятъ другъ друга и не ладятъ между собой. Аграфена умна, хитра и за словомъ въ карманъ не полѣзетъ, а Агаѳьевна безтолкова, обидчива и плаксива, любитъ поворчать, а когда ужъ очень разсердится, то окончательно теряетъ способность выражать свою мысль словами, а только отплевывается и повторяетъ никому непонятное ругательство:

— Анчутка безпятый! Прости, Господи!

— Это—тетя Варя,—говоритъ маленькій Коля, когда на балконѣ слышатся шаги.

Аграфена поворачиваетъ къ двери свое улыбающееся лицо, а Агаѳьевна крестится: она испугалась.

— Совѣсть у тебя не чиста, всего боишься, — говоритъ ей Аграфена.

— Какая такая совѣсть?—обижается старуха.—Что̀ я воровала, что ли? Откуда у меня совѣсть?

Стеклянная дверь звенитъ, и входитъ тетя Варя. Она тоненькая, стройная; у нея круглое милое лицо съ большими глазами и всегда растрепанные свѣтлые волосы.

— Что? Какъ?—спрашиваетъ она.

— Да вотъ въ карты съ барыней моей играемъ,—отвѣчаетъ Аграфена.

Голова съ бѣлыми волосами повертывается, милая ласковая улыбка озаряетъ старческое лицо, а еще красивыя бѣлыя руки крѣпко прижимаютъ къ груди карты.

— Я выиграю, Варя, я выиграю,—радостно говоритъ больная.

— Конечно, мама. Навѣрное.

— Да, навѣрное! Видишь, у меня какъ много, а у нея нѣтъ ничего. Ходи, Груша!

Аграфена, смѣясь, беретъ верхнюю карту и открываетъ ее. Это король.

Больная вдругъ перестаетъ радоваться, пристально глядитъ на короля, и въ глазахъ ея тревога и страданье.

— Грушенька,—молящимъ голосомъ говоритъ она: — ты не смотри, а я тебѣ скажу, какая у меня карта. Я тебѣ правду скажу.

На глазахъ ея слезы, руки дрожатъ.

— Да не гляжу, не гляжу, — говоритъ Аграфена и закрываетъ глаза рукой.—А думается мнѣ такъ, что тузъ.

Барыня открываетъ десятку, обводитъ всѣхъ умоляющими глазами и быстро, жадно хватаетъ со стола короля.

— Тузъ, что ли?—спрашиваетъ Аграфена.

— Тузъ! Тузъ!—притворяясь страшно обрадованной, кричитъ больная.

Но вдругъ бросаетъ всѣ свои карты на столъ, протягиваетъ руки Варѣ и плачетъ.

— У-у! Анчутка!—сердится на Аграфену Агаѳьевна.—Тебѣ бы только раздразнить... Вотъ ужъ у тебя совѣсть, такъ совѣсть...

Варя подошла къ матери, гладитъ ее рукой по волосамъ и цѣлуетъ ея руку.

— Не плачь, мама, не надо.

— Я Петрушѣ, — говоритъ больная. — У меня сынъ былъ, Петруша... Онъ умеръ.

— Это ничего, мама.

— Какъ ничего? Тебѣ хорошо говорить! Онъ бы мнѣ папиросу далъ.

— И я дамъ,—ласково говоритъ Варя.

— Дашь?

Залитое слезами лицо проясняется, глаза вспыхиваютъ отъ радости и благодарности:

— Ты хорошая дочь! Ты добрая дочь!

Аграфена передаетъ Варѣ за спинкой кресла портсигаръ и спички, которые всегда лежатъ у нея въ карманѣ, и Варя закуриваетъ и даетъ папиросу матери. Всѣ молчатъ и смотрятъ, какъ больная куритъ. Послѣ двухъ-трехъ затяжекъ она откидываетъ голову на подушку, рука съ папиросой падаетъ на колѣни, а глаза утомленно и блаженно закрываются.

— Ну, довольно,—говоритъ Варя и беретъ изъ ослабѣвшихъ пальцевъ окурокъ.

— Поспитъ теперь,—говоритъ Аграфена.

Варя съ минуту глядитъ на играющихъ дѣтей, щекочетъ Колину шейку и уходитъ.

Въ уютной угловой комнатѣ, у круглаго стола, на которомъ горитъ большая лампа подъ свѣтлымъ шелковымъ абажуромъ, сидитъ молодая женщина и вышиваетъ. Она низко пригнулась надъ своей работой и отъ усердія хмуритъ тонкія темныя брови. Рука у нея узкая, длинная, и на пальцахъ блестятъ кольца.

— Летучая мышь пришла! — говоритъ насмѣшливый голосъ изъ темнаго угла комнаты, гдѣ стоитъ диванъ.

— Неужели ты гуляла? — удивленно спрашиваетъ молодая женщина, поднимая голову отъ работы.

Варя не отвѣчаетъ. Она подходитъ къ круглому столу, перебираетъ книги и газеты, сдвинутыя въ одну сторону, и что-то ищетъ.

— Вѣдь, правда, летучая мышь,—продолжаетъ голосъ съ дивана.—Днемъ она забьется у себя въ норѣ, но какъ только сумерки, она бѣгаетъ по усадьбѣ, кружитъ по дорогамъ и аллеямъ. Зачѣмъ ты такъ бѣгаешь?

— Ну, Клавдія! Ну, брось!

— Оставь меня, Соня! Что̀ хочу, то и говорю. Не шурши газетами!—раздраженно кричитъ на Варю Клавдія съ дивана.

Но Варя ужъ не шуршитъ: она сидитъ и читаетъ.

— Да... — продолжаетъ Соня начатый, но прерванный Вариным приходомъ разговоръ.—Да, я, конечно, понимаю, что тебѣ здѣсь отдыхъ. Но я хочу только сказать, что если бы у меня былъ такой мужъ, отъ котораго я должна была бы уѣзжать отдыхать, то это значитъ, что я была бы несчастна. И я увѣрена, что ты несчастна, и не понимаю, зачѣмъ ты это скрываешь.

— Ничего я не скрываю! — сердито говоритъ Клавдія. — Съ чего ты взяла? У тебя какое-то непонятное желаніе обвинить въ чемъ-то моего мужа. А я тебѣ говорю, что обвинять его не въ чемъ. Мужъ, какъ и всѣ другіе, не хуже, но и не лучше. Если бы это былъ не онъ, а всякій другой на его мѣстѣ, все равно, было бы то же. Женская жизнь унизительна, противна и несчастна сама по себѣ. Я это чувствую всегда, но временами это чувство усиливается и возбуждается во мнѣ возмущеніе и злобу. Но ты этого не можешь понять!

— Не могу!—отвѣчаетъ Соня, пожимаетъ плечами и медленно тянетъ иголку съ шелковинкой.—Женская жизнь? Но почему же я счастлива? У меня тоже женская жизнь, но я гляжу на вещи проще: если бы я возмущалась и злилась, я сейчасъ же обвинила бы за это мужа и, конечно, была бы права. А ты ищешь какихъ-то отвлеченныхъ причинъ. Это не просто—и поэтому не вѣрно.

— Ну, брось! Ну, оставь! — раздражительно говоритъ Клавдія.—Чу, я не хочу больше объ этомъ говорить.

Но ея голосъ сейчасъ же опять раздается изъ темнаго угла, гдѣ стоитъ диванъ:

— Ты! Ты говоришь про себя... А вотъ если бы у тебя не было средствъ, да Богъ наградилъ бы тебя такой оравой, какъ моя, ты не ѣздила бы за границу заказывать себѣ парики и наряды и не сидѣла бы цѣлыми днями то надъ какими-то вышивками. Ты! Развѣ ты женщина? У тебя былъ ребенокъ, а ты не любила его.

— Я?—вскрикиваетъ Соня, и ея руки съ работой опускаются на колѣни, а лицо становится растеряннымъ и испуганнымъ.

Варя уже не читаетъ. Она съ любопытствомъ смотритъ на Соню.

— Нѣтъ, это не правда, — дрожащимъ голосомъ говоритъ Соня.—Я любила мужа больше ребенка. Да! И это такъ должно быть... Ты больше любишь дѣтей, а это неестественно...

Клавдія встаетъ съ дивана и лѣниво идетъ къ столу. Она некрасива, неряшливо одѣта и не причесана, а ея блѣдное лицо подергивается злобной усмѣшкой. Она останавливается и потягивается.

— Ахъ, тоска!—говоритъ она.—Боже, какая тоска! Страшно дѣлается отъ тоски въ этомъ проклятомъ домѣ. И еще эта Соня, которая носится съ своимъ счастьемъ. Въ нашей семьѣ—счастье! Значитъ, я права, что ты была рада, когда умеръ твой ребенокъ.

— Отчего не можетъ быть счастья?—испуганно спрашиваетъ Соня.—Ты думаешь, не можетъ быть? Отчего? Что-нибудь должно случиться? да?

Клавдія смѣется:

— Чего ты боишься, если тебя не могла испугать смерть твоего ребенка? Ты веселилась, когда онъ умиралъ. Мать!

— Я веселилась,—растерянно повторяетъ Соня и дрожитъ.— Но я его любила. Зачѣмъ ты всегда объ этомъ?.. Ты не вѣришь, а я очень хочу, чтобы у меня еще были дѣти. Я очень хочу!

— Ты?

— Да. Мнѣ кажется, что тогда вернется ко мнѣ мой сыночекъ.

— Ахъ, какая тоска!—повторяетъ Клавдія и опять потягивается.—Поздно. Пора укладывать дѣтей. Пойду.

Она идетъ къ двери, но на порогѣ останавливается и говоритъ:

— А зачѣмъ все это? Когда я думаю, что дѣти, это—будущіе взрослые люди, похожіе на насъ, поставленные въ тѣ же условія, если не хуже, окруженные той же средой, подверженные тѣмъ же болѣзнямъ, печалямъ и неудачамъ. Когда мнѣ ясно представляется эта непрерывная нить, связывающая поколѣнія одно за другимъ, изъ глубины прошлаго въ даль будущаго, у меня въ груди что-то стынетъ отъ ужаса. Мы не родимся, мы возвращаемся. А зачѣмъ? Какой ужасъ!

— Клавдія—какъ старая шарманка,—говоритъ Варя.—Все та же пѣсня, все та же, безъ конца!

Клавдія недружелюбно оглядывается на нее и смѣется.

— Когда тебя посадятъ въ тюрьму, это будетъ ново!—говоритъ она.—Еще бы! Вѣдь ты будешь первая и послѣдняя. Отъ тебя ждетъ своего спасенія вся Россія. Когда всѣмъ станутъ извѣстны твои мысли и твои чувства—всѣ поймутъ, какъ они были глупы раньше. Жалко только, что и твои мысли и твои чувства не твои, а какого-то медика перваго курса,—да и не его, а только слыхалъ онъ о нихъ, да не дослушалъ. Вотъ это вее дѣйствительно ново! И любовь твоя глупая, о которой ты мечтаешь, бѣгая по ночамъ.

Варя встаетъ и съ газетой въ рукѣ идетъ къ двери, гдѣ стоитъ Клавдія. Она останавливается передъ нею и глядитъ ей прямо въ лицо.

— Ахъ, какъ страшно!—насмѣшливо говоритъ Клавдія.

— Нѣтъ, я не испугать тебя хочу, а пристыдить.

— Вотъ какъ!

— Да. Вотъ какъ. Клавдія, намъ всѣмъ здѣсь слишкомъ страшно и трудно жить, чтобы еще стараться наносить другъ другу удары и обиды. Любовь ли моя... свои ли, или чужія мысли и чувства... но я... я могу еще жить. И я буду! И я не спрашиваю: зачѣмъ мы? зачѣмъ жизнь? Я не застрѣлюсь, какъ отецъ, какъ Петруша...—Клавдія медленно опускаетъ голову.—Да, я могу жить и хочу; и если я обязана этимъ моимъ мыслямъ и чувствамъ, то, значитъ, въ нихъ есть смыслъ и цѣль. Ты преслѣдуешь меня своей злобой. За что? Тебѣ завидно? Тебѣ кажется, можетъ-быть, что моя жизнь здѣсь слишкомъ счастлива? Круглый годъ въ этомъ пустомъ, страшномъ домѣ, гдѣ столько ужасныхъ воспоминаній... Вдвоемъ съ больной матерью... А все-таки я жить могу и хочу.

Клавдія глядитъ на нее исподлобья, и въ глазахъ ея ненависть и насмѣшка.

— Нѣтъ!—кричитъ она:—нѣтъ!—Не спасешь ни себя ни другихъ! Не безпокойся! Не обманешь! Не выкрутишься!

— Кого я не обману?—кричитъ Варя и комкаетъ газету.

Но Клавдія хохочетъ и быстро скрывается.

Варя опять подходитъ къ столу и, взволнованная, тяжело дыша, опускается на стулъ.

Соня, вся насторожившаяся, глядитъ на нее съ жаднымъ любопытствомъ и улыбается.

— Варя!—тихо зоветъ она.—Это правда? Ты любишь его, этого студента?

Сестра молчитъ.

— Ты любишь? А вообрази, мнѣ это и въ голову не приходило!

Она долго пристально глядитъ на дѣвушку, и улыбка ея расширяется, освѣщаетъ все лицо лаской и радостью.

— Ну, вотъ, ты и увидишь,—увѣренно говоритъ она:—что ты тоже будешь любить мужа больше дѣтей. Непремѣнно! Клавдія этого не понимаетъ, потому что, по-моему, просто не любитъ мужа и никогда въ него влюблена не была. А вотъ ты и увидишь и поймешь.

— Я никогда замужъ не выйду!—сухо говоритъ Варя.

— Не выйдешь? А какъ же?

Въ дверяхъ стоитъ Аграфена и, по обыкновенію, улыбается:

— Барышня,—чай заваривать.

Варя встаетъ.

— А вотъ такъ же!—отвѣчаетъ она сестрѣ.—Иду, Груша. Мама проснулась?

Аграфена медленно идетъ, точно подкрадывается къ Сонѣ, и, нагибаясь, разглядываетъ ея работу.

— Ужъ и красиво!—говоритъ она.—До чего додумаются! На балу танцовать будете въ этомъ платьѣ?

Соня довольна.

— Цѣлый годъ вышиваю, а разъ надѣну,—говоритъ она.

— Чего—разъ! Больше, небось,—не соглашается Аграфена.—Рукодѣльница! А барыня моя поспала-поспала—да и проснулась. Сидитъ теперь веселая, нитки я ей дала мотать. Тоже, бывало, танцы всякіе танцовала, съ кавалерами обращеніе имѣла... Эхъ, жизнь наша!.. Чай пожалуйте заваривать.

Варя сидитъ въ своей комнатѣ и пишетъ письмо. Въ домѣ вездѣ уже давно темно и тихо, а на дворѣ идетъ дождь, и изъ водосточной трубы подъ окномъ съ шумомъ льется вода. На сосѣдній балконъ забрался щенокъ, чешется и тихо визжитъ. Задней лапой онъ часто и дробно стучитъ объ полъ балкона, и Варя уже нѣсколько разъ отрывалась отъ письма и прислушивалась: не стучатся ли въ дверь? не пріѣхали ли кто-нибудь? не принесли ли телеграмму?

Лампы на своемъ столѣ она не зажгла. Горитъ только одна свѣча, и въ комнатѣ полумракъ; бѣлѣется оправленная постель, грудой лежатъ на полкѣ книги, черезъ спинку кресла виситъ брошенное платье.

Варя пишетъ, согнувшись, низко наклонивъ голову:

„...Да, я знаю, что это мой человѣческій долгъ, что силъ мало, что дѣло ждетъ, и что нужны люди и люди; а я сижу и ничего не дѣлаю, а время идетъ и идетъ. Я все это знаю. Но вѣдь и вы знаете мою жизнь! Какъ мнѣ быть? Могу ли я оставить мою больную мать? На кого? Она больная, ненормальная, но она любитъ меня, зоветъ, я одна умѣю утѣшить ее и успокоить. Поймите! Вы пишете, что у всякаго человѣка есть что-нибудь личное, что держитъ его, что это не оправданіе и не причина. Но развѣ я хочу оправдываться? Развѣ я сама не рвусь, не страдаю, не изнемогаю? Время идетъ, идетъ!..

„Скажите: могу ли я хотѣть ея смерти? Когда мнѣ кажется, что это такъ... тогда я бѣгаю по аллеямъ темнаго сада, и отчаяніе впивается въ мою душу... Когда я чувствую, что не могу больше выносить своей жизни, не могу больше оставаться здѣсь, не могу больше не видѣть васъ, не быть съ вами,—тогда я бѣгу къ ней, становлюсь передъ нею на колѣни и гляжу въ ея лицо.

„Знаете ли вы, что ея душа спитъ, а не умерла?

С. Соломко. Стражъ.

„Я чувствую это. Одинъ разъ я разрыдалась, лежа головой на ея колѣняхъ. И ея прежній голосъ—о, я клянусь вамъ!—ея прежній голосъ сказалъ мнѣ съ глубиной и значительностью, отъ которыхъ я замерла: „Моя дочь, прости насъ!“

„Когда я подняла на нее испуганные, почти ослѣпшіе отъ потрясенія, глаза, я увидѣла ея теперешнее, неосмысленное, недуховное лицо, и она уже не знала, что̀ сказала. Но пусть вы сочтете меня за сумасшедшую,—я вѣрю, что ея душа жива и только не доходитъ до ея сознанія, но можетъ быть моментъ... моментъ страшнаго озаренія, и она почувствуетъ и пойметъ... Я вѣрю! Это будетъ тогда, когда я оставлю ее.

„Гдѣ же мой долгъ? Гдѣ моя жизнь? На чей зовъ мнѣ итти? Куда мнѣ бѣжать отъ боли? Въ какомъ счастьѣ мнѣ оправдываться? Откуда взять силы, чтобы не любить ни ея ни васъ, чтобы снести ваши упреки, ваше осужденіе мнѣ,—мнѣ, которая для васъ одного?..“

Варя уронила голову на бумагу, перо вывалилось изъ ея рукъ.

Въ дверь тихо стучатъ, на она не слышитъ.

Входитъ Соня со свѣчой въ рукѣ и долго стоитъ и смотритъ.

— Не испугайся, Варя. Это я. Ты заснула?

Варя вздрагиваетъ и поднимаетъ голову.

— Что-нибудь съ мамой?—быстро спрашиваетъ она и закрываетъ письмо книгой.

Соня ставитъ свѣчу на столъ, беретъ съ постели одѣяло, закутывается въ него и садится на кровать.

— Мама, кажется, спитъ. Не знаю. Я не была у нея.

— Что̀ же ты?.. Тебѣ холодно?

Соня дрожитъ и оглядывается:

— Кто-то плачетъ.

— Это—щеночекъ на балконѣ. Успокойся, Соня. Чего ты испугалась?

— Въ этомъ проклятомъ домѣ...—сквозь зубы говоритъ Соня и умолкаетъ.

Варя встаетъ и насильно, заботливо укладываетъ сестру и накрываетъ ее потеплѣй.

— Нѣтъ, я пришла поговорить о Клавдіи, — защищается Соня.—Я ничего... Ты знаешь, я думаю, что я изъ всѣхъ насъ самая здоровая, самая спокойная. Это потому, что я счастлива, Варя. Да, я очень счастлива! А Клавдія несчастна. Она никогда не была влюблена въ своего мужа. Зачѣмъ она выходила замужъ! Бѣденъ, неинтересенъ, некрасивъ... Ну, все равно! Знаешь, у нея началась ея тоска. Я уже видѣла, что она идетъ... тоска ея. Ты не находишь, что это въ родѣ, какъ у отца? Вѣдь у него тоже были такіе припадки. Я знаю, что онъ пилъ, но вѣдь тоже отъ тоски. Знаешь, посовѣтовать бы Клавдіи вспрыскивать морфій? Ну, будетъ морфинисткой. Такъ что̀ же такое? Съ этимъ живутъ, а отецъ застрѣлился. Петруша тоже, но у него были другія причины. Варя! ты не знаешь, отчего Петруша застрѣлился?

— Никто, Соня, не знаетъ. Конечно, были причины.

— Ну, еще бы! У него не было тоски: онъ былъ веселый, милый, красивый.

Варя опять сидитъ за своимъ столомъ, прищурившись, разглядываетъ какую-то вещицу и разсѣянно отвѣчаетъ:

— Да.

— А у Клавдіи просто неудачная жизнь. Очень много неудачныхъ жизней! Что̀ же дѣлать? Изъ всѣхъ насъ я одна счастлива. Я ужасно счастлива, и вотъ это меня иногда мучитъ. Ахъ, ужасно мучитъ, Варя, и я себѣ не нахожу мѣста!

— Нѣтъ, это хорошо, что ты счастлива,—разсѣянно говоритъ Варя.—И мучиться не надо.

Соня приподнимается на локтѣ.

— Да, хорошо, конечно... Но какъ же не надо? Понимаешь ли ты, что я боюсь. Вотъ сейчасъ я здѣсь, у васъ, а мужъ въ Петербургѣ. Я знаю, что онъ меня любитъ. Каждый день отъ него письмо. Наконецъ я скоро, очень скоро поѣду къ нему. Когда я думаю, какъ мы опять увидимся, у меня сердце замираетъ. Просто невѣроятно хорошо! Но вѣдь надо искупать, а искупить мнѣ больше нечѣмъ. Ты понимаешь?

Варя медленно поворачиваетъ къ ней голову, видитъ ея вытянутую шею, блестящіе глаза и не понимаетъ.

— Я всегда чувствую, когда надо искупать, когда придвигается опасность... Но сейчасъ я сдѣлать ничего не могу. Ничего!

Варя теперь слушаетъ.

— А что̀ же надо дѣлать? — спрашиваетъ она.—Все хорошо, и слава Богу.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что все слишкомъ хорошо!—шопотомъ продолжаетъ Соня.—Все слишкомъ! Развѣ такъ бываетъ? И вотъ именно теперь... Какое-то особенное счастье, какое-то неимовѣрное, невѣроятное. Я уѣхала къ вамъ и думала, что это достаточная жертва, что я немножко искуплю. Но нѣтъ! Я бы чувствовала. Я тогда почувствовала...

Послѣднюю фразу она шепчетъ чуть слышно и опять дрожитъ.

— Когда же тогда? что̀ такое?—тревожно спрашиваетъ Варя.

Соня отвѣчаетъ съ трудомъ, и дрожь ея усиливается:

— Когда умеръ мой ребенокъ. Вѣдь я, Варя... вѣдь я принесла его въ жертву. — Варя быстро пригибается къ сестрѣ и глядитъ на нее пристально и тревожно. — Мой малютка!.. Клавдія думаетъ, что я его не любила. Но какъ же не любить своего дитяти? Развѣ это можно? Только мужа я любила сильнѣй, страстнѣй. Мужа я любила и люблю до безумія. Да, это такъ! И вотъ когда придвинулась опасность, и я чувствовала, что счастье мое такъ велико, что такъ не должно и не можетъ быть... Когда я ужасно, безмѣрно измучилась за свое счастье, я будто услыхала голосъ, который мнѣ сказалъ: „Выбирай мужа или сына. Кого выберешь—тотъ у тебя останется“. Видишь ли ты, мнѣ предлагали выборъ. И я не колебалась. Я отвѣтила: „Я выбираю мужа. Пусть же мой бѣдный, мой милый младенчикъ, мой родной сыночекъ умретъ“. Ахъ, Варя, какъ это было ужасно! Я обрекла его на смерть!

Соня прячетъ голову въ подушку и долго молчитъ.

— Что̀ же ты сдѣлала?—спрашиваетъ Варя.—Говори!

— Ничего!—усталымъ голосомъ продолжаетъ Соня.—Я стала ждать. Возьму, бывало, своего ребеночка на колѣни, цѣлую его ручки, его ножки и думаю, все думаю: я его отдала! я его отдала! Тяжело... А одинъ разъ мнѣ показалось, что онъ взглянулъ на меня не дѣтскими, а такими взрослыми, умными глазами и вдругъ все понялъ. Вѣдь не можетъ быть этого, Варя? Не можетъ? Но какъ мнѣ это показалось, я больше не могла... Стала избѣгать его брать и больше не ласкала, не цѣловала. А тутъ онъ и заболѣлъ... Мужъ ужасно встревожился, сталъ звать докторовъ, лѣчить. Ахъ, Варя! Да какъ же я могла его лѣчить, если я знала? Вѣдь я выбрала не колеблясь! Выздоровѣлъ бы онъ, мой сынокъ, умеръ бы мужъ. Обмануть вѣдь я не могла... Такъ обмануть, чтобы оставить себѣ обоихъ. И вотъ онъ болѣлъ, мужъ сидѣлъ у него по ночамъ и давалъ лѣкарства, а я днемъ выливала лѣкарства въ форточку, снимала компрессы. Варя! Варя!

Варя съ блѣднымъ лицомъ беретъ ее за плечи и трясетъ:

— Ты врешь! врешь! Соня, ты спишь, ты въ бреду!

Соня вытираетъ слезы, сморкается и отстраняетъ сестру рукой.

— Нѣтъ, я все это дѣлала. Но какъ я боялась его глазъ, его взгляда! Дѣлала! дѣлала! Я не хотѣла, я не могла, чтобы вмѣсто него умеръ мой мужъ. И вотъ младенчика моего не стало! Да, Клавдія права: онъ умеръ безъ меня. Я въ это время кутила съ компаніей въ загородномъ ресторанѣ. Только мужъ не зналъ. Я скрыла. Не понялъ бы онъ, что я не могла больше выносить... Хотѣлось опьянѣть... забыться... Не стало моего сыночка! И къ мертвенькому къ нему я не подходила. Тутъ я сама заболѣла. И знаешь отчего? Отъ страха. Все мнѣ казалось, что покойничекъ всюду со мной, всюду со мной и все упрекаетъ, плачетъ, жалуется мнѣ на меня, что я его убила. Какъ я останусь одна, такъ онъ ужъ тутъ. Жалуется, плачетъ, тянется ко мнѣ, цѣпляется...

Варя сжала голову руками и глядитъ неподвижно въ черныя стекла окна. Соня рыдаетъ.

— На могилку къ нему долго не ходила, — послѣ длиннаго молчанія шепчетъ она.—Тоже все боялась; потомъ одинъ разъ осмѣлилась. Пришла... одна... Цвѣтовъ принесла много-много. Подхожу и еще издали все молю въ душѣ, все молю: „прости! прости!“ И знаешь, Варя, онъ меня простилъ. Я знаю, что онъ простилъ. Тихая такая стала могилка, спокойная. И сразу я потомъ бояться перестала и уже не видѣла и не слышала его. Конечно, простилъ! Милый мой! милый мой! И тогда я стала грустить о немъ и плакать. Надѣла трауръ... А эта глупая Клавдія думаетъ, что я не любила его, что я не хочу дѣтей.

Сестры молчатъ. Одна лежитъ, усталая, обезсилѣвшая. Другая сидитъ и неподвижно смотритъ въ одну точку.

— Но Клавдія больна, — вздыхаетъ Сона. — Я даже боюсь за нее... Ахъ, Варя! Какое счастье, что въ нашей ужасной семьѣ, гдѣ такая страшная наслѣдственность и со стороны отца и со стороны матери, я совершенно здорова, совершенно нормальна, Конечно, это оттого, что я счастлива. Я безмѣрно счастлива! И вотъ я одного боюсь: развѣ такъ можетъ быть? скажи! Развѣ люди бываютъ такъ счастливы? А когда я почувствую опасность, чѣмъ я теперь искуплю? какой выборъ? гдѣ?

Никто ей не отвѣчаетъ. Слышно только, какъ идетъ дождь, какъ льется вода изъ трубы, и какъ на балконѣ тихо, жалобно визжитъ щеночекъ.

Соня ушла.

Варя опять сидитъ у стола надъ незаконченнымъ письмомъ и держитъ въ рукѣ перо. Но она не пишетъ. Въ глазахъ ея строгое, суровое выраженіе, рука не дрожитъ. Она думаетъ.

А окно чуть замѣтно начинаетъ блѣднѣть, и если приглядѣться, то черезъ стекло уже видна сѣтка дождя, и видно, какъ качаются отъ вѣтра деревья сада.

Вдругъ перо начинаетъ быстро бѣгать по бумагѣ:

„Нѣтъ, не ждите меня. Не зовите. Я рѣшила: я никогда больше не увижу васъ. Мнѣ остается послѣдняя радость: написать вамъ нѣсколько прощальныхъ словъ.

„Когда я начала писать это письмо, я еще была несмѣтно богата, но не знала этого и смѣла жаловаться, стенать и плакать. А у меня были такія сокровища, какъ вѣра въ свои силы, жажда жизни, жажда дѣла. У меня была...—Богъ мой!— у меня была моя любовь, надежда на счастье... А я жаловалась и плакала.

„Теперь я не пла̀чу. Глаза мои сухи.

„Надо быть трезвой. Надо глядѣть жизни прямо въ ея каменное, бездушное, жестокое лицо. Видите ли: меня, въ сущности, нѣтъ. Когда я думала про себя, что это я, я ошибалась,—это былъ только безсильный, случайный ростокъ темнаго и страшнаго корня. Когда я думала, что мнѣ дана моя жизнь, я ошибалась: мнѣ даны жуткія послѣдствія всѣхъ ошибокъ, слабостей, пороковъ и болѣзней моихъ предковъ. Свободно только одно мое сознаніе, и оно говоритъ мнѣ: только сильныя, здоровыя, смѣлыя и свободныя руки могутъ строить сильную, смѣлую и свободную жизнь. А мы, обреченныя, мы должны принести ей нашъ посильный даръ: отстраниться и сойти съ ея дороги.

„Не хочу обманывать себя, стараться спастись, цѣпляться, извиваться отъ страха и отчаянія. Я отстраняюсь. Пусть враждебныя тѣни прошлаго цѣпко держатся за меня, я не рванусь и не внесу съ собой въ жизнь ихъ отравы.

„Вотъ гдѣ мой долгъ, и на его зовъ я иду. Иду безъ покорности, безъ смиренія... И хочется мнѣ крикнуть кому-то проклятье“.

Акварель С. СОЛОМКО.

Метель.

Разсказъ Е. Фишеръ.

Перепечатка воспрещается.

На дворѣ метель...

Вся окрестность окутана бѣлымъ флеромъ мелкаго снѣга. Временами въ окнѣ ничего не видно изъ-за густой пелены снѣжной мглы, похожей на облака пара, проносящіяся передъ желѣзнодорожнымъ поѣздомъ. Словно какое-то „бѣлое ничто" закрываетъ передъ глазами и бѣлыя мертвыя деревья парка, и сосѣдніе дома, и далекій, прямой, какъ стрѣла, желѣзнодорожный путь съ тонкими линіями телеграфныхъ столбовъ. Ничего этого сегодня не видно. На дворѣ бушуетъ метель.

Она свиститъ и воетъ и стонетъ, словно хоронитъ кого-то. И невольно думается, что эта метель, разыгравшаяся какъ разъ наканунѣ Новаго года, отпѣваетъ и провожаетъ въ вѣчность старый годъ, полный разочарованій, разрушенныхъ надеждъ и тоски. Новый годъ приходитъ на землю во мракѣ бури и разрушенія: разрушается и гибнетъ мрачное и недоброе прошлое. И взамѣнъ его нарождается новое счастье. Такъ ребенокъ появляется на свѣтъ божій среди мукъ и страданій и приноситъ съ собой нѣчто неизвѣданное новое, и счастливое для его измученныхъ родителей.

Принесетъ ли этотъ нарождающійся въ бурѣ и страданіи Новый годъ новое счастье для Наташи? Да, она вѣритъ въ это. Болѣе того—она знаетъ, что это будетъ навѣрное. Ея сердце бьется радостно и горячо. Оно какъ-будто стучитъ сильными и увѣренными ударами въ ту таинственную дверку, за которой прячется счастье.

Оно—это маленькое, горячее сердце—такъ долго звало гордымъ безмолвіемъ того, кто дороже ей самой жизни. Вчера вечеромъ оно получило наконецъ отвѣтъ. Тотъ, кто до сихъ поръ назывался Викторомъ Николаевичемъ, а отнынѣ будетъ зваться просто Витей, сказалъ Наташѣ, что онъ любитъ ее — только ее одну, и умолялъ ее стать его женой.

Ея сердце сказало ему: „да". Ея уста сказали то же. И вотъ теперь около ея сердца, за кружевами корсажа, лежитъ маленькая записочка. Въ ней всего нѣсколько строкъ. Онъ проситъ ее разрѣшить ему пріѣхать къ нимъ уже въ качествѣ жениха встрѣтить вмѣстѣ Новый годъ.

Наташа цѣлую ночь не спала наканунѣ. Она хотѣла писать Виктору Николаевичу, но письма выходили банальныя, смѣшныя, невозможныя... Она не могла сказать сотой доли того, что слѣдовало сказать въ такомъ случаѣ... Конечно, онъ долженъ быть пріѣхать. Конечно, безъ него Новый годъ показался бы старымъ годомъ... Но какъ было написать ему объ этомъ? Для этого нужно было найти какія-то совсѣмъ особенныя слова, озаренныя солнцемъ, пронизанныя поэзіей и красотою. Такихъ особенныхъ словъ она не находила, а всѣ остальныя казались ей неподходящими. И Наташа разорвала все то, что написала, и въ концѣ концовъ рѣшила обратиться къ спасительному средству — къ коротенькой и дѣловой телеграммѣ:

„Пріѣзжайте"...

Онъ могъ пріѣхать уже сейчасъ, съ дачнымъ поѣздомъ. Но благоразумнѣе было ждать со слѣдующимъ поѣздомъ, который приходитъ сюда въ девять часовъ вечера. Всѣ эти поѣзда и сроки пріобрѣли теперь для Наташи особенное, небывалое значеніе. Ей казалось, что и поѣздъ, въ которомъ поѣдетъ ея женихъ, и часъ, въ который онъ пріѣдетъ на станцію,—необыкновенные, озаренные поэзіей и счастіемъ... Странно было думать, что въ этомъ же поѣздѣ поѣдутъ простые, ничѣмъ не замѣчательные люди, и что для нихъ онъ не будетъ носить ни единой поэтической и сказочной черты...

Наташа упорно старалась разсмотрѣть сквозь густую вуаль метели, не идетъ ли поѣздъ. Но бѣлая мгла заволакивала горизонтъ. Не было слышно и свистковъ: все заглушалъ вой вьюги.

„Онъ думаетъ сейчасъ обо мнѣ,—мечтаетъ Наташа.—Онъ сидитъ въ вагонѣ... Или нѣтъ, онъ еще у себя дома, собирается на вокзалъ, смотритъ расписаніе, соображаетъ, съ какимъ поѣздомъ ѣхать... Пишетъ телеграмму о томъ, что ѣдетъ къ намъ... Онъ пріѣдетъ, навѣрное пріѣдетъ, это не сонъ, не выдумка мечты... Черезъ два-три часа онъ будетъ здѣсь. Какъ хороша жизнь!.."

Постоявъ у окна и не дождавшись ни свистка ни какого-либо признака поѣзда, Наташа отправилась внизъ, въ столовую, чтобы помочь матери приготовить новогодній столъ и украсить елку, которая будетъ сегодня зажжена.

Внизу были гости — дѣдушка, Василій Григорьевичъ, братъ Петя, тетя Саша и подруга Наташи, Любочка. Они, и только они—эти самые близкіе люди—приглашены сегодня на предстоящее Наташино торжество. Поѣздъ, котораго ждала Наташа, незамѣтно подкрался въ шумѣ и свистѣ метели къ станціи и привезъ ихъ.

— Здравствуй, Тася,—обращается къ Наташѣ, называя ее привычнымъ дѣтскимъ именемъ, веселый, румяный съ мороза дѣдушка.—У тебя сегодня именины?

— Нѣтъ, не именины, — смѣется, краснѣя, Наташа.—Сегодня встрѣча Новаго года. Вамъ, дѣдушка, можно бы и не ошибаться въ праздникахъ. Вы большой, умный, образованный и все знаете.

— Нѣтъ, именины. Именины сердца. Это я дѣйствительно знаю.

— И я тоже знаю. Викторъ пріѣдетъ,—говоритъ равнодушнымъ (даже немного обидно равнодушнымъ) тономъ братъ Петя.—Я видѣлъ его сегодня въ городѣ. У него такой видъ, словно его только что покормили сладкой кашкой. Сіяетъ, словно новый пятакъ.

— Ты вѣчно говоришь глупости!—разсердилась Наташа.

— Почему глупости?

— Во-первыхъ, никакого Виктора не пріѣдетъ. Съ чего ты взялъ? А во-вторыхъ, ты постоянно рисуешь его какимъ-то карикатурнымъ типомъ...

— А въ-третьихъ, ты разсердилась, и, стало-быть, я говорю правду.

Въ эту словесную перепалку немедленно вмѣшивается третье, благожелательное, лицо—тетя Саша, которая органически не переноситъ никакихъ ссоръ и кислыхъ разговоровъ.

— Вы оба неправы—и Пьеръ и ты,—обращается она къ по-

ссорившимся:—Пьеръ—со своей склонностью къ буффонадѣ, а ты—съ излишней застѣнчивостью. Всѣ мы отлично знаемъ, что ты просватана, и прятаться отъ своихъ тебѣ совершенно не зачѣмъ.

Миръ возстановленъ, и тоненькій ледъ Наташиной конфузливости сломленъ. И теперь всѣ вмѣстѣ съ нею ждутъ Виктора. Даже молчаливая и кроткая Любочка, немножко грустная оттого, что счастье и на этотъ разъ прошло мимо нея, и вмѣстѣ съ тѣмъ счастливая за Наташу, ждетъ таинственнаго, прекраснаго Виктора: онъ сталъ теперь таинственнымъ и прекраснымъ и для нея...

— Барышня. Наталья Ивановна, маменька зоветъ васъ помочь убрать елку. Ужъ девятый часъ. Справиться не успѣемъ.

И Наташа, веселая и сіяющая, бѣжитъ украшать елку. Она навѣшиваетъ на зеленыя, колючія вѣтки сверкающіе картонажи, золотые орѣхи, блестящія бусы, а сама не можетъ ни о чемъ думать, кромѣ него, Виктора. И почти ежеминутно она вынимаетъ маленькіе часики: сколько времени остается до ближайшаго поѣзда? Викторъ теперь уже несомнѣнно ѣдетъ. И, вѣроятно, тоже каждую минуту смотритъ на часы, волнуясь и досадуя, что поѣздъ, везущій его къ счастью, идетъ слишкомъ медленно.

— Ну, и погодка.

— Еще сильнѣе мететъ. Пожалуй, заносы будутъ на дорогахъ.

— Это бываетъ,—соглашается дѣдушка.—Въ восьмидесятомъ году, когда насъ переводили въ Кишиневъ, цѣлый поѣздъ занесло до самой макушки. Два дня отрывали...

И дѣдушка начинаетъ разсказывать интересную, какъ и всѣ его исторіи, повѣсть о томъ, какъ онъ голодалъ и холодалъ двое сутокъ въ снѣгу. Но Наташа почти не слушаетъ его. Ее смутили его слова о возможности заноса на дорогѣ. Неужели поѣздъ, на которомъ ѣдетъ Викторъ, не можетъ добраться до здѣшней станціи?..

Остается еще три поѣзда: дачный, пассажирскій и курьерскій. Неужели же хоть одинъ изъ нихъ не дойдетъ сюда и не привезетъ Наташѣ ея жениха? Но вотъ въ передней щелкнулъ замокъ,—это горничная Даша возвращается со станціи, куда ее посылали узнать, ходятъ ли поѣзда.

Наташа стремглавъ летитъ въ переднюю:

— Ну, что̀?.. Ну, что̀?..

— Ходятъ, барышня, но только съ опозданіемъ. Такая мететъ, что не приведи Господи. Всѣ глаза мнѣ залѣпило. Дышать нельзя.

— А дачный?

— Дачный, барышня, уже пришелъ. Свистокъ слышно было.

Господи! Поѣздъ уже пришелъ. Викторъ сію минуту будетъ здѣсь. Какъ забилось сердце у Наташи. Она ничего не видитъ и не слышитъ, что дѣлается кругомъ нея. Дѣдушка разсказываетъ что-то смѣшное. Петя ухаживаетъ за Любочкой, мама хозяйничаетъ за столомъ, торопясь все устроить къ пріѣзду жениха. Наташа ходитъ изъ угла въ уголъ, нервно сжимая дрожащія отъ волненія руки. И въ головѣ стучитъ заодно съ біеніемъ сердца жуткая и сладкая мысль: „Сейчасъ пріѣдетъ. Сейчасъ пріѣдетъ“.

Въ передней раздается трель звонка.

Наташа уже тамъ. Она сама отворяетъ тяжелую дверь... Ее обдаетъ холоднымъ воздухомъ... И такимъ же холодомъ мгновенно наполняется все ея сердце:

„Это не онъ... Это не Викторъ“.

Въ переднюю тяжело вваливается высокая и грузная фигура юнкера Щепетильникова, вся занесенная снѣгомъ, холодная, мокрая.

— Наталья Ивановна... Вы сами. Боже мой, какая честь!—говоритъ онъ ломающимся басомъ, отирая мокрые усы.—А я къ вамъ прямо изъ нѣдръ ужасной метели; и смѣю васъ завѣрить, что точно такая же метель свирѣпствуетъ въ моемъ сердцѣ.

Наташа такъ обезкуражена этимъ разочарованіемъ, что не находитъ ничего въ отвѣтъ этому фатоватому и неинтересному молодому человѣку, который явно ухаживаетъ за нею. У нея что-то обрывается въ сердцѣ, и ее наполняетъ горькое чувство тоски. „Гдѣ же Викторъ?“—тоскуетъ ея сердце. И словно въ отвѣтъ Щепетильниковъ любезно сообщаетъ ей, что онъ видѣлся вчера съ Викторомъ Николаевичемъ Разумовскимъ въ обществѣ ихъ общей хорошей знакомой—Елены Александровны Рындиной.

— Гдѣ вы видѣли Леночку?—перебиваетъ его Наташа.

— Въ цвѣточномъ магазинѣ. Тамъ былъ Викторъ Николаевичъ... Елена Александровна такъ очаровательна, что Викторъ Николаевичъ, кажется, было серьезно затронутъ ею... А я, какъ видите, неуязвимъ.

И Щепетильниковъ съ любезнѣйшей улыбкой входитъ въ гостиную, щелкаетъ шпорами и презентуетъ Наташѣ великолѣпный букетъ.

— Цвѣты цвѣтку,—торжественно произноситъ онъ. И его длинная физіономія сіяетъ такимъ самодовольствомъ и такой самоувѣренностью, что Наташа едва удерживается отъ того, чтобы не бросить поднесенный ей букетъ на полъ и не растоптать его.

Она едва находитъ въ себѣ силы, чтобы улыбнуться ненавистному юнкеру и поблагодарить его за цвѣты. Двѣ мысли волнуютъ ее: „гдѣ Викторъ? и неужели есть хоть доля правды въ словахъ юнкера объ Еленѣ?..“ И другая мысль: „что̀ онъ въ самомъ дѣлѣ думаетъ о себѣ, этотъ нелѣпый долговязый юноша? Какъ онъ смѣетъ ухаживать за нею, за невѣстой Виктора?..“

— Это вы, Викторъ Николаевичъ?—раздается голосъ дѣдушки Василія Григорьевича. — А, нѣтъ, это не Викторъ Николаевичъ. Это... молодой человѣкъ.

— Это не Викторъ Николаевичъ,—говоритъ кто-то въ сосѣдней комнатѣ. И если бы Щепетильниковъ былъ хоть капельку догадливѣе, онъ ясно разслышалъ бы въ этихъ словахъ разочарованіе и досаду и понялъ, что его визитъ болѣе, чѣмъ неумѣстенъ сейчасъ. Но юнкеръ ничего не слышитъ и не понимаетъ.

— Вы ждете, кажется, Виктора Николаевича?

— Да, ждемъ... ждутъ... — отвѣчаетъ дѣдушка.

— Врядъ ли онъ пріѣдетъ сюда. Его приглашали къ Рындинымъ.

Щепетильниковъ воображаетъ, что всѣ въ этомъ домѣ ужасно обрадуются, узнавъ, что Викторъ Николаевичъ Разумовскій сегодня приглашенъ къ Рындинымъ и поэтому не пріѣдетъ сюда. Но его слова производятъ совершенно противоположный эффектъ.

Наташа, красная, какъ піонъ, тщетно пряча разстроенное лицо въ цвѣты, уходитъ къ себѣ въ комнату наверхъ — туда, гдѣ она еще такъ недавно, полная надеждъ и радости, смотрѣла въ окно на занесенныя метелью окрестности и ждала и вѣрила, что сегодня, что сейчасъ пріѣдетъ ея возлюбленный...

Любочка, сразу догадавшись, что съ Наташей что-то неладно, бѣжитъ къ ней сюда,—и ея предположенія справедливы: Наташа лежитъ ничкомъ на кушеткѣ и плачетъ горькими, неутѣшными слезами, словно маленькая дѣвочка.

— Наташа, что̀ ты, Богъ съ тобой! Развѣ можно такъ отчаяваться? Онъ пріѣдетъ. Еще два поѣзда остаются...

— Нѣтъ, онъ не пріѣдетъ, — рыдаетъ Наташа: — я теперь все понимаю... А вы ничего не понимаете. Вамъ никакого дѣла до меня нѣтъ.

— Наташа... это я... я не понимаю?.. Да послѣ этого...

— Онъ тамъ... у нихъ... у Рындиныхъ... Поэтому онъ и не ѣдетъ. Ужъ давно бы пріѣхалъ. Могъ бы, успѣлъ бы собраться... А онъ даже телеграммы отвѣтной не послалъ... Ему никакого дѣла до меня нѣтъ... Боже мой, Боже мой!.. Все погибло!..

— Наташа, что̀ ты. Ничего еще не погибло. Какъ можно такъ говорить. Это ужасно. Пойми, что еще два поѣзда...

— Погибло, погибло!.. А я такъ радовалась, такъ вѣрила, такъ вѣрила!

И Наташа рыдаетъ еще сильнѣе. Любочка только всплескиваетъ своими маленькими ручками и сама приходитъ въ отчаяніе.

— Онъ отвратительный, гадкій, гадкій! Онъ обманулъ меня, онъ насмѣялся надо мной! — восклицаетъ Наташа, сама не вѣря въ то, что̀ она сейчасъ говоритъ. — Я никогда, никогда не буду больше вѣрить „имъ“! Я уйду въ монастырь! Я не выйду никогда замужъ!.. Все обманъ, ложь, неправда!..

— Наташа, не говори такъ. Это ужасно. Это самоубійство — итти въ монастырь!

— Ну, что̀ жъ. Ну, и самоубійство. Все равно. И самоубійство. Пускай. Я не хочу жить!

— Наташа, ты говоришь Богъ знаетъ что̀!..

И Любочка сама плачетъ, представивъ Наташу въ видѣ монашенки, блѣдной-блѣдной, какъ мертвецъ... Потомъ Наташа представляется ей въ еще болѣе ужасномъ видѣ. Въ такомъ ужасномъ видѣ, что уже невозможно оставаться даже и вдвоемъ въ этой полутемной комнатѣ.

— Наташа,—шепчетъ она:—мнѣ страшно. Пойдемъ внизъ.

Наташѣ тоже становится страшно. Метель свиститъ и воетъ и визжитъ такъ злобно, словно тысячи духовъ и привидѣній мятутся и воютъ гдѣ-то за стѣнами и надъ крышей.

— Барышня, васъ зовутъ чай кушать.

— Не пойду.

— Ну, какъ же, — возражаетъ Любочка: — неловко не итти. О тебѣ подумаютъ Богъ знаетъ что̀. Тотъ же Щепетильниковъ начнетъ думать и воображать разныя глупости.

— Хорошо, я иду,—произнесла Наташа, поднимаясь съ своего ложа слезъ.—Скажите, Даша, мамѣ, что я приду. У меня голова болитъ, но я все-таки приду.

И въ ея пылающей головѣ мелькаетъ недобрая мысль:

„Онъ обманулъ меня... Я ему отомщу. Я буду кокетничать съ тѣмъ юнкеромъ... Онъ бросилъ меня, ну—и я его брошу. И не надо его. И пусть не пріѣзжаетъ. Не очень нужно“.

Напудривъ покраснѣвшія щеки и сдѣлавъ холодную примочку для глазъ, Наташа спустилась снова внизъ. Метель еще сильнѣе выла за окномъ, бросая мерзлыми каскадами снѣга въ окна, словно напоминая о себѣ и о своей печали людямъ, которые сидятъ въ теплѣ и въ свѣтѣ и весело ждутъ среди шутокъ и забавъ наступленія Новаго года. Метель выла и горевала съ такой силой, какъ-будто хотѣла вывести этихъ беззаботныхъ людей изъ ихъ спокойствія и сообщить имъ и предупредить ихъ о чемъ-то важномъ и трагическомъ.

Наташа какъ ни въ чемъ ни бывало заняла свое мѣсто за чайнымъ столомъ и приняла участіе въ общемъ разговорѣ. Щепетильниковъ усѣлся рядомъ съ нею и говорилъ ей ни къ селу ни къ городу плоскіе комплименты. Онъ раздражалъ Наташу, и ей очень хотѣлось отвѣчать ему колкостями и дразнить его. Но мысль о томъ, что Викторъ обманулъ ее, не покидала ея и приняла теперь нѣсколько иную форму. Наташа рѣшила, что если она станетъ кокетничать съ юнкеромъ, то Викторъ почувствуетъ это на разстояніи, и ему станетъ тяжело и тоскливо, и невѣдомая сила потянетъ его сюда.

И, сдѣлавъ надъ собой усиліе, она пробовала улыбаться въ

отвѣтъ на ухаживанія длиннолицаго развязнаго молодого человѣка и даже поощрять его на дальнѣйшія выступленія. А тому только того и надо было. Его физіономія расцвѣла, грудь молодцовато выпятилась впередъ, усы закручивались сами собой. Онъ былъ такъ комиченъ, что Любочка, при всемъ своемъ разстройствѣ и огорченіи за Наташу, не могла удержаться отъ смѣха. Ухаживавшій за нею Петя отнесъ этотъ смѣхъ къ себѣ и обидѣлся.

— А вѣдь вамъ, Наталья Ивановна, кого-то здѣсь недостаетъ,— говорилъ, картавя отъ полноты чувствъ, юнкеръ. — Вы кого-то ждете. Увы, я знаю, кого.

Наташа бросила на него лукавый острый взглядъ и вызывающе улыбнулась:

— Вы ошибаетесь. Здѣсь сейчасъ всѣ, кого я желала видѣть.

Юнкеръ весь расплылся въ блаженную улыбку и, томно сощуривъ глаза и пощипывая усы, пролепеталъ:

— Повторите эти слова еще разъ. То, чтò я услышалъ, звучитъ для меня настоящей музыкой... Значитъ, здѣсь „всѣ“...

— Всѣ безъ исключенія.

Наташа смѣется, но на сердцѣ у нея скребутъ кошки. На стѣнныхъ часахъ стрѣлка подвигается къ одиннадцати. Это значитъ, что въ запасѣ остаются только пассажирскій и курьерскій поѣзда. Пассажирскій долженъ уже быть на станціи, но, очевидно, запоздалъ изъ-за метели.

Чай конченъ, и маленькое общество перекочевываетъ въ гостиную, гдѣ красуется пышно убранная елка. Наташа опять чувствуетъ приступы острой тоски, и только привычка сдерживать себя и маленькая остающаяся надежда, что Викторъ, быть-можетъ, еще пріѣдетъ, и что дурныя подозрѣнія на его счетъ могутъ оказаться вздоромъ, поддерживаютъ въ ней бодрость. Юнкеръ не отходитъ отъ нея ни на шагъ, и Наташа сама не рада уже, что разрѣшила ему это нелѣпое ухаживанье. Ей смертельно хочется оборвать его и крикнуть ему: вы мнѣ противны! Но странное суевѣріе, угнѣздившееся въ ней и совѣтующее ей кокетничать съ юнкеромъ, чтобы тайною силою привлечь сюда любимаго человѣка, удерживаетъ ее отъ рѣзкостей съ этимъ напыщеннымъ и смѣшнымъ молодымъ человѣкомъ.

— Тысячу разъ благодарю васъ, Наталья Ивановна, за такое отношеніе ко мнѣ!—лепечетъ онъ ей, тараща глаза.—Ваши слова насчетъ того, что здѣсь всѣ тѣ, кого вы желали сегодня видѣть, я понимаю въ томъ именно смыслѣ, что они относятся также и ко мнѣ.

— Вы очень сообразительны,—смѣется Наташа.

И опять ей хочется сказать ему дерзость, но она кокетливо смѣется въ полуоборотъ къ нему, и юнкеръ окончательно таетъ отъ радости.

— Наталья Ивановна, я безмѣрно счастливъ. Въ моей жизни неожиданно взошла лучезарная звѣзда. И эта звѣзда—вы!

И онъ сталъ напѣвать своимъ ломающимся мальчишескимъ баскомъ:

„Я васъ люблю, люблю безмѣрно“...

Наташа смѣялась, но кошки на сердцѣ скребли все сильнѣе, и опять слезы были совсѣмъ недалеко... Уже давно пробило одиннадцать, уже пришелъ запоздавшій на цѣлые полчаса пассажирскій поѣздъ, а Виктора все нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Это становится странно,—промолвила мать, тронувъ тихонько Наташу за плечо.—Не захворалъ ли онъ?

— Я... я не знаю... — пролепетала бѣдняжка дрожащимъ голосомъ. — Еще остается курьерскій... Но если и тогда... я не знаю сама, чтò это такое...

И она рѣшила, что она сама пойдетъ встрѣчать на станцію этотъ послѣдній поѣздъ, эту послѣднюю надежду на счастье, такую хрупкую и блѣдную, какъ огонекъ лампадки.

Въ углу гостиной ее опять поймалъ Щепетильниковъ.

— Наталья Ивановна, — промолвилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ:—я васъ прошу отвѣтить мнѣ, кромѣ шутокъ...

— Чтò такое?

— Вы знаете, что съ той поры, какъ я васъ впервые увидѣлъ, вся моя жизнь раскололась на двѣ половины... Одна до васъ, другая—послѣ васъ...

— Я васъ не понимаю,—произнесла Наташа, соображая, сколько минутъ еще остается до прихода послѣдняго поѣзда.

— Я вамъ скажу это проще,—продолжалъ съ волненіемъ юнкеръ, пощипывая усы. — Съ той поры, какъ я васъ увидѣлъ, въ мою жизнь вдругъ вошло что-то такое... громадное, свѣтлое, необыкновенное... И такой обыкновенный фруктъ, какъ я, внезапно почувствовалъ, что...

— Зачѣмъ вы это говорите? — спросила Наташа, разсѣянно вскидывая на него глаза.

— Наталья Ивановна,—въ вашихъ ручкахъ все мое счастье. Я васъ умоляю отвѣтить мнѣ: да или нѣтъ?..

Наташа хотѣла отвѣтить ему что-нибудь нейтральное, не обязывающее ее ни къ чему и въ то же время не обидное для этого влюбленнаго въ нее юноши. Но слова замерли на ея губахъ. Она услышала, что въ передней горничная Даша, опять посланная на развѣдки, тихо разговаривала съ кѣмъ-то изъ старшихъ.

— Чтò такое? — кинулась туда она.

— Да, вотъ, барышня,—обратилась къ ней горничная:—вы не ждите сегодня ужъ никого больше. На станціи сказывали, всю дорогу занесло, какъ есть. Курьерскій не придетъ.

— Чтò ты говоришь?

— Право. Почтовый изъ Варшавы пришелъ, да и стоитъ. Не пускаютъ. Говорятъ, два товарныхъ тоже задержались. А погода такъ и крутитъ. Еще хуже.

„Если ждать, то хоть ждать тамъ, на станціи, на вѣтру, въ холодѣ,—думаетъ Наташа, кутаясь въ длинный пледъ и выходя за ворота.—Дома несносно. Нестерпимо. Надо ломаться, принуждать себя быть веселой, любезной... Ужъ лучше въ темнотѣ, въ метели, одной, совсѣмъ одной...“

Она вышла изъ дома никѣмъ незамѣченной. Сейчасъ полночь. Дома приготовляются къ встрѣчѣ Новаго года... безъ него, безъ Виктора Николаевича, который такъ и не пріѣхалъ. Почему? По какой причинѣ? Чтò его задержало? Болѣзнь? Несчастіе какое-нибудь, или эта Леночка, эта кукла съ фальшивыми волосами и фальшивыми улыбками? Наташа старалась удерживаться отъ поднимавшихся слезъ. Боже мой, ужъ лучше все, чтò угодно, лишь бы только не это послѣднее!..

Новый годъ сейчасъ наступитъ. Какъ весело, съ какимъ расцвѣтомъ молодого, свѣтлаго счастья ожидала его наступленія Наташа три-четыре часа тому назадъ. Какимъ ореоломъ было окружено это наступленіе Новаго года и новаго счастья. И какъ безжалостно были разбиты ея мечты и надежды... Вотъ онъ уже наступаетъ, этотъ таинственный Новый годъ, но въ какой мрачной, почти зловѣщей обстановкѣ, въ какой тьмѣ невѣдѣнія, гдѣ близкій человѣкъ, и чтò творится съ нимъ! Точно какая-то злая туча вдругъ надвинулась на нее и спахнула холоднымъ дуновеніемъ мягкое прикосновеніе крыльевъ только-что пролетѣвшаго надъ ней счастья.

На станціи было пусто и полутемно. Только два „дежурныхъ“ электрическихъ фонаря горѣли на платформѣ. Синеватый свѣтъ трепетно ложился на занесенную мягкимъ снѣгомъ платформу и мигалъ, пересѣкаемый сотнями снѣжныхъ хлопьевъ. Хлопья летѣли откуда-то изъ мглы и улетали въ мглу. Вѣтеръ дико вылъ въ телеграфныхъ столбахъ и стропилахъ стараго станціоннаго сарая. Холодныя струйки вѣтра пронизывали Наташу, пробирались за воротникъ ея шубки, рвали концы пледа. Гдѣ, въ какомъ концѣ свѣта рождался сейчасъ Новый годъ? И какъ могъ онъ родиться въ такомъ хаосѣ? Не было ли отсрочено его рожденіе до болѣе благопріятнаго времени?..

Наташа толкнулась въ двери залы перваго класса. Двери были заперты. Въ служебныхъ помѣщеніяхъ царилъ мракъ. Все спало на станціи. Очевидно, уже не ждали никакого поѣзда. А метель выла съ такимъ неистовствомъ, что даже стекла въ зданіи дрожали подъ ея напоромъ.

На запасномъ пути мрачно чернѣла неподвижная, мертвая масса товарнаго поѣзда. Поодаль чернѣлъ какой-то другой поѣздъ. Въ немъ мигали блѣдные огоньки. Наташа хотѣла пробраться къ нему, чтобы найти хоть какого-нибудь свѣдущаго человѣка и распросить его. Но ея ноги сразу завязли въ глубочайшемъ сугробѣ, едва только она сошла съ платформы. Съ трудомъ она выбралась изъ сугроба обратно на помостъ и рѣшила ждать, чтò будетъ дальше.

Придетъ или не придетъ поѣздъ изъ Петербурга? Все говорило ей, что онъ не придетъ: и сонная станція, и отсутствіе служащихъ, и полузанесенный снѣгомъ остановившійся на пути чужой поѣздъ. Но что-то говорило ей и другое: какой-то тайный голосъ шепталъ ей, что, быть-можетъ, курьерскій поѣздъ все-таки придетъ, хоть и съ опозданіемъ. Въ курьерскіе поѣзда ставятъ новые, сильные локомотивы и тяжелые вагоны, которые могутъ бороться съ заносами. Но почему въ такомъ случаѣ на станціи такой мракъ и такое мертвое безлюдье? Неужели изъ Петербурга дано знать телеграммой, что поѣзда не будетъ? Или же онъ будетъ, но только значительно позднѣе? Какъ узнать это? У кого?..

Прошло нѣсколько долгихъ минутъ. Изъ мрака вышла на синеватый свѣтъ фонарей какая-то закутанная въ башлыкъ фигура.

— Скажите, пожалуйста,—обратилась къ неизвѣстному человѣку Наташа:—будетъ курьерскій изъ Петербурга или не будетъ?

Неизвѣстный человѣкъ помолчалъ съ минуту, а потомъ вынулъ откуда-то слабо мерцавшій фонарикъ, повернулся къ вѣтру спиной, осмотрѣлъ его и снова спряталъ куда-то за обшлагъ:

— Телеграмма была, что не будетъ.

— А чтò это шумитъ?—спросила Наташа.

Она все яснѣе и яснѣе слышала далекій шумъ словно отъ идущаго поѣзда. Ей казалось, что вѣтеръ не могъ шумѣть такъ, съ такой ритмической опредѣленностью.

— Шумитъ-то? А я и самъ слушаю, чтò это такое,—промолвилъ закутанный человѣкъ.—Надо-быть, поѣздъ. А только поѣзду не полагается приходить. Не разберусь никакъ.

Шумъ пропалъ на минуту за вѣтромъ, но потомъ возобновился съ еще большей опредѣленностью.

— У насъ на путяхъ два поѣзда стоятъ,—прибавилъ неизвѣстный:—пути загорожены. Кабы ладно...

Чтò „кабы ладно“—Наташа не поняла этого. Она стояла, какъ очарованная, и слышала все яснѣе и яснѣе шумъ несшагося на всѣхъ парахъ поѣзда. Она ясно различала сквозь вой метели мощное дыханіе паровоза и грохотъ колесъ. Какой-то таинственный поѣздъ, подобный сказочному моряку-скитальцу, поѣздъ-призракъ, несся сюда въ мглѣ и бурѣ... Телеграфная проволока зазвенѣла жуткимъ, пронизывающимъ воплемъ, словно она испу-

галась этого призрака. Мимо Наташи пробѣжали два человѣка. До ея слуха донеслись ихъ голоса:

— Господи батюшки, что̀ же это такое?.. А какъ же телеграмма?..

Вѣтеръ оборвалъ конецъ ихъ словъ и куда-то унесъ во мглу. Пробѣжали еще какіе-то люди и что-то кричали. Гдѣ-то жалобно и испуганно затрубилъ рожокъ стрѣлочника. Мелькнулъ въ туманѣ метели красный огонь... Наташа вся закоченѣла и, не вѣря тому, что̀ видѣла и слышала, неподвижно стояла на платформѣ.

И вотъ мимо нея грузно, съ подавляющимъ грохотомъ, угнетая землю, прокатились тяжелые паровозы—одинъ сзади другого. За нимъ прогремѣли грузные, громадные вагоны. Все кругомъ наполнилось этимъ неожиданнымъ грохотомъ и лязгомъ.

„Курьерскій,—пронеслось въ головѣ у Наташи:—Викторъ...“

И прежде, чѣмъ поѣздъ успѣлъ остановиться тамъ, гдѣ онъ обыкновенно останавливался—въ концѣ платформы, все кругомъ наполнилось еще болѣе рѣзкимъ и страшнымъ, потрясающимъ грохотомъ. И, какъ въ зловѣщемъ кошмарѣ, все затанцовало передъ глазами Наташи. Звуки и огни слились въ одно цѣлое, въ какую-то ужасающую гамму. Лязгъ желѣза, шипѣніе пара и крики, крики...

Она поняла, что̀ это значитъ. Она поняла, что въ этомъ поѣздѣ ѣхалъ ея женихъ, и что онъ пріѣхалъ, и что онъ...

Она потеряла сознаніе.

Словно въ сказкѣ кто-то спрыснулъ ее мертвой водой, и она уснула страннымъ, похожимъ на смерть, сномъ. Она не чувствовала и не слышала, какъ чьи-то сильныя руки подняли ее и отнесли въ домъ. Потомъ уже въ домѣ словно кто-то спрыснулъ ее живой водой. И эта живая вода были любовь и близость любимаго человѣка...

Наташа открыла глаза и удивилась, увидѣвъ себя въ хорошо знакомой комнаткѣ наверху. Она лежала на кушеткѣ, а надъ нею склонилась хорошо знакомая, близкая, несказанно дорогая фигура того, кого она такъ страдальчески ожидала.

— Ну, что̀, дорогая моя? Какъ ты себя чувствуешь?

— Это былъ сонъ?—тихо спросила она.

Викторъ промолчалъ и грустно промолвилъ послѣ паузы:

— Нѣтъ, это не сонъ, голубка моя. Къ сожалѣнію, къ великому горю, это не сонъ...

Наташа только въ этотъ моментъ обратила вниманіе на то, что рука ея жениха перевязана бѣлымъ платкомъ, и что на лбу его запеклись маленькія пятна крови. И ей стало страшно и такъ грустно, что она заплакала тихими слезами.

— Не плачь, моя радость,—говорилъ онъ.—Слезами не помочь ничему. Когда ты немного окрѣпнешь и придешь въ себя, мы пойдемъ съ тобой внизъ. Тамъ сейчасъ настоящій лазаретъ. И мы поможемъ тѣмъ, кто лежитъ тамъ, не слезами, а дѣломъ.

— Викторъ, ты живъ? Скажи, ты невредимъ? Ты здоровъ? Съ тобой ничего страшнаго нѣтъ?

Онъ опустился на колѣни передъ кушеткой и приблизилъ свое блѣдное, измученное лицо почти къ самому лицу Наташи.

— Ты видишь,—промолвилъ онъ:—двѣ-три царапины. Да содрана кожа на рукѣ. Нашъ вагонъ только всталъ на дыбы, и меня хорошенько встряхнуло—и больше ничего. Но что̀ съ другими... Ужасъ...

Онъ помолчалъ и прибавилъ, лаская ея руку:

— Скажи, ты достаточно сильна, чтобы пойти туда? А если не можешь, то отпусти меня. Тамъ нужны лишнія руки... Тамъ всѣ заняты. Даже Любочка...

Наташа порывисто поднялась на ноги.

— Разумѣется!—промолвила она.—Съ тобой я ничего не боюсь, и мнѣ ничто не будетъ трудно. Пойдемъ.

И когда они оба выходили изъ Наташиной комнаты, Викторъ на минуту остановился, взялъ свою будущую жену за талію и, глядя въ ея глаза, промолвилъ проникновеннымъ, значительнымъ тономъ:

— Знаешь, голубушка моя, если намъ можно радоваться въ такія минуты, то я порадовался бы прежде всего вотъ чему: какъ хорошо, что наша встрѣча, наши шаги въ новую жизнь и нашъ Новый годъ начинаются именно такъ, а не иначе. Не праздникомъ, не звономъ бокаловъ, а... а помощью ближнему. Это хорошее предзнаменованіе. Я вѣрю, что мы съ тобой дружно пойдемъ въ жизни рука объ руку, и что наша жизнь будетъ наполнена хорошимъ содержаніемъ... Когда-нибудь—черезъ мѣсяцъ, черезъ два мѣсяца—мы вступимъ въ союзъ брака. А сегодня, а сейчасъ мы вступаемъ въ иной союзъ, и Нѣкто Высшій и Справедливый возлагаетъ на насъ вѣнцы любви и состраданія къ человѣчеству... Я хотѣлъ бы, чтобы ты, моя маленькая, хрупкая, нѣжная Наташа поняла это...

Она взглянула прямо въ душу къ нему своими лучистыми глазами и отвѣтила:

— Я понимаю тебя, потому что люблю тебя!

И они торопливо пошли внизъ. Метель выла и стонала съ прежней силой, и сквозь ея стоны и вопли теперь ясно слышались чьи-то иные, болѣе одухотворенные и болѣе страдальческіе, стоны...

Семивѣковый юбиляръ—Великій Устюгъ.

Очеркъ **Г. Сѣверцева-Полилова.**

(Съ 2 рис. на стр. 1038).

Въ минувшемъ ноябрѣ состоялось семисотлѣтіе существованія одного изъ древнихъ городовъ русскаго сѣвера: Устюга Великаго.

Въ XIII столѣтіи отважныя новгородскія ватаги, отыскивая „привольныя“ мѣста для распространенія своей торговли, рыскали по всему сѣверу, не только русскому, но даже проникали и въ Скандинавію. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ они пробрались въ самую сѣверную часть нынѣшней Вологодской губерніи, такъ называемое „Заволочье“, т.-е. верховья Кубенскихъ и Сѣверо-Двинскихъ притоковъ, и вошли въ сношеніе съ обитателями этого края—„Чудью Заволоцкой“.

Дѣятельные ушкуйники поработили мѣстныхъ жителей, обратили ихъ въ своихъ данниковъ, овладѣли ихъ поселеніями и сами стали возводить городки и укрѣпленія съ цѣлью поддержки своей власти надъ порабощенной Чудью и отраженія нападеній сосѣднихъ враждебныхъ племенъ и народовъ.

Такимъ образомъ между другими городками возникъ и Великій Устюгъ, получившій это названіе отъ сліянія двухъ рѣкъ: Сухоны и Юга, образующихъ вмѣстѣ рѣку Сѣверную Двину: устье Юга—Устюгъ.

Раньше онъ носилъ названіе „Гледень“ (когда еще былъ поселкомъ) отъ горы того же имени, на которой онъ былъ основанъ, но затѣмъ, когда устюжане, при великомъ князѣ Всеволодѣ III Юрьевичѣ, въ 1212 году, въ ноябрѣ, переселились на четыре версты дальше отъ Гледеня, такъ какъ селенію угрожала опасность быть смытымъ рѣкою Югомъ во время половодья, настоящій городъ былъ заложенъ на мѣстѣ, называемомъ „Черный Прилукъ“. На прежнемъ же мѣстѣ остался только Гледенскій Троицкій монастырь; во вновь заложенномъ городѣ устюжане одновременно стали строить другую обитель, Архангельскую, основателями которой были преп. Кипріанъ и св. Прокопій Христа ради юродивый, родомъ варягъ изъ Скандинавіи.

Недолго удалось новымъ горожанамъ жить мирно и расширять свой городъ: черезъ семь лѣтъ къ городу подошли камскіе болгары, захватили его и разорили; но дерзкимъ не удалось воспользоваться ихъ побѣдой: явившійся на помощь горожанамъ братъ новаго великаго князя Святославъ разбилъ болгаръ, и мало-по-малу Устюгъ былъ снова возстановленъ.

Пока великокняжескій столъ былъ во Владимірѣ, устюжане платили дань ему, но случалось, что ее взимали князья ростовскіе. Такъ продолжалось до 1243 г., когда Устюгъ, какъ и остальная русская земля, попалъ подъ татарское иго. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ—отъ 2150 до 1270 г.—въ Устюгѣ, во время княженія великаго князя Александра Невскаго, проживалъ ханскій баскакъ Буга, взыскивавшій ханскую подать. За долгое время своего пребыванія здѣсь онъ свыкся съ русскими настолько, что потомъ крестился подъ именемъ Іоанна и построилъ храмъ во имя Іоанна Предтечи, но церковь эта не сохранилась до настоящаго времени.

Не мало пришлось Устюгу перенести разоренія и горя во время удѣльныхъ междоусобицъ: онъ то переходилъ „подъ руку“ ростовскихъ князей, то бралъ его „на щитъ“ великій князь Георгій Даниловичъ, то терпѣлъ онъ разореніе отъ сосѣдей, пока наконецъ его вмѣстѣ съ удѣломъ Ростовскимъ не присоединилъ къ Великому княжеству Московскому великій князь Иванъ Калита.

Въ концѣ XIV столѣтія въ близлежащемъ отъ города чудскомъ селеніи Пырасъ, нынѣшнемъ Котласѣ, св. Стефанъ Пермскій началъ распространять среди мѣстныхъ инородцевъ христіанство и съ опасностью для своей жизни проповѣдывалъ язычникамъ свѣтъ Христовъ, слѣдуя все глубже и глубже въ дикую Чудскую землю.

Въ 1393 г. на Устюгъ напали потомки его основателей, свободолюбивыхъ новгородцевъ, и, не разоривъ его окончательно, вернулись сюда вторично черезъ пять лѣтъ и довершили свое злое дѣло.

XV вѣкъ не принесъ успокоенія многострадальному городу: Василій Косой, а затѣмъ его сынъ Дмитрій Шемяка, казанскіе и черемисскіе татары полвѣка попеременно нападали на городъ, разоряли его, Устюгъ снова переходилъ изъ владѣній великаго князя Московскаго къ враждующимъ съ нимъ князьямъ, пока наконецъ устюжане не собрались съ силами и не прогнали отъ себя Шемяку, а затѣмъ побили татаръ и черемисовъ.

Вскорѣ, по повелѣнію великаго князя Іоанна III, устюжане во главѣ съ своимъ горожаниномъ Василіемъ Скрябою завоевали для Москвы Югорское княжество. Это завоеваніе сильно подняло духъ жителей, и, несмотря на страшный пожаръ, уничтожившій чуть ли не весь городъ, устюжане продолжали завоеваніе сосѣднихъ земель „подъ руку Великаго Князя Московскаго“; такъ они покорили: пермскіе народы, Вогулическое княжество и захватили часть Сибири отъ Перми до Оби.

Почти все XVI столѣтіе было несчастливо для Устюга: городъ много страдалъ отъ частыхъ пожаровъ, цѣлыхъ два года онъ и всѣ окрестныя селенія переносили страшный голодъ, отъ моровой язвы умерло больше двѣнадцати тысячъ человѣкъ, небывалымъ разливомъ рѣки городъ былъ затопленъ, но зато слѣдующее столѣтіе, несмотря на повторившіеся въ городѣ два года подъ рядъ пожары, оказалось для него болѣе благопріятнымъ.

Городъ Великій Устюгъ, Вологодской губ. (Къ 700-лѣтію существованія). Успенская улица.

Въ послѣдніе годы его, именно въ 1693 и 1694, Устюгъ посѣтилъ Петръ Великій.

Въ 1780 г. Устюгъ былъ переименованъ въ областной городъ съ причисленіемъ къ Вологодской губерніи. Тогда въ немъ были учреждены губернскій магистратъ, областное казначейство, земскій и совѣстный судъ и городская дума. Но въ 1793 г. онъ опять низводится на степень уѣзднаго города, и управленіе всѣмъ сѣверо-востокомъ переносится въ Вологду.

Въ настоящее время Устюгъ попрежнему остается уѣзднымъ городомъ, хотя играетъ роль культурно-экономическаго центра для сѣверо-восточныхъ уѣздовъ.

Его прежнее торговое значеніе было очень блестяще, о чемъ можно судить по тому, что уже въ 1630 г. въ городѣ было 203 лавки и около 50 крупныхъ торговцевъ, въ то время называвшихся посадскими людьми.

Мѣстное управленіе того времени было поставлено очень широко, существовали посадскіе и земскіе судьи и „схожая“ изба, куда собирались посадскіе люди для всякихъ земскихъ дѣлъ.

Одно время, именно въ 1680 г., Устюгъ былъ назначенъ намѣстничествомъ.

Въ послѣдніе годы, послѣ отхода желѣзной дороги къ Котласу, крупная торговля города понизилась, хотя ярмарка, такъ называемая Прокопьевская, нисколько не падаетъ, но еще увеличиваетъ свои обороты. Предметами вывоза служатъ ленъ, щетина, лѣсъ, кожи и льняное масло.

Обрабатывающая промышленность какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ уѣздѣ продолжаетъ развиваться. Нужно упомянуть о крупной Грибановской полотняной мануфактурѣ, о трехъ маслобойныхъ Чебоевскихъ заводовъ, лѣсопильныхъ, канатныхъ, стеклянныхъ и спичечныхъ заводахъ, а также о бумажной фабрикѣ.

Въ городѣ имѣются мужская и женская гимназіи, епархіальное училище, женская учительская семинарія и городскія училища.

Какъ на памятники древности въ городѣ, можно указать на Успенскій и Прокопьевскій соборы, расположенные на берегу Сухоны. Первый, основанный въ XIII вѣкѣ, не мало страдалъ отъ пожаровъ и наконецъ былъ замѣненъ каменнымъ въ 1639 г. Подъ соборомъ, въ подвалѣ, собраны остатки предметовъ старинаго вѣрованія: фигуры Христа и святыхъ, выточенныя изъ дерева; ихъ ставили на распутьѣ дорогъ; народъ прозвалъ ихъ: „сидящіе“.

Въ находящемся рядомъ Прокопіевскомъ соборѣ почіютъ мощи св. Прокопія и погребенъ основатель Архангельскаго монастыря, преподобный Купріанъ.

Интересное преданіе разсказываетъ слѣдующее: пр. Купріанъ взялъ первый попавшійся шарообразный камень и прокатилъ его по болотному мѣсту, полагая черту, гдѣ должна быть монастырская ограда. Совершилось чудо: то мѣсто, которое было отмѣчено камнемъ, само собой обсохло и дало возможность построить зданіе.

Когда подплываешь къ Великому-Устюгу на пароходѣ, то это древнее сѣверное гнѣздо производитъ чарующее впечатлѣніе. Вдоль берега на далекое разстояніе тянутся многочисленные храмы и обители, построенные въ характерномъ древне-новгородскомъ стилѣ. Городъ раскинулся на большой ровной площади, замыкающейся съ двухъ сторонъ крутыми, обрывистыми берегами рѣки. Онъ весь перерѣзанъ двумя широкими улицами, какъ бы раздѣляющими его на лучшую и худшую часть. Въ первой, т.-е. по Успенской улицѣ, сосредоточены лучшіе дома, торговыя предпріятія, правительственныя и общественныя учрежденія, большинство церквей, а во второй, значительно бѣднѣе и грязнѣе, живетъ рабочій и мелкій промышленный людъ.

Съ прошлаго года при уѣздной земской управѣ организованъ музей кустарныхъ издѣлій, при чемъ, какъ на выдающійся мѣстный промыселъ, нужно указать на тонкія узорчатыя работы чернью по серебру. Эта работа составляетъ секретъ одной только семьи.

Въ городѣ, согласно офиціальнымъ даннымъ, имѣется 19.000 жителей.

Одной изъ интересныхъ древностей является Гледенскій монастырь, помѣщающійся на стрѣлкѣ между Сухоной и Югомъ, тамъ, гдѣ былъ первоначально основанъ городъ. Къ сожалѣнію, монастырь этотъ въ настоящее время находится въ очень запущенномъ видѣ. Въ числѣ его достопримѣчательностей нужно отмѣтить превосходныя иконы итальянскаго письма и тонкой рѣзьбы иконостасъ.

Устюжскій уѣздъ занимаетъ большую площадь — 1.897.121 дес. и состоитъ изъ населенія въ 154.000 человѣкъ, занимающагося преимущественно земледѣліемъ, лѣснымъ сплавомъ и кустарными промыслами.

Городъ Великій Устюгъ, Вологодской губ. (Къ 700-лѣтію существованія). Общій видъ города. Набережная. Впереди—соборы: Успенскій и Прокопіевскій.

Загадка.

(Изъ легендъ о Бестужевѣ-Марлинскомъ).

Очеркъ **П. В. Быкова.** (Съ портр. на этой стр.)

Когда мы всей семьей собирались за вечернимъ чаемъ у большого круглаго стола въ залѣ нашего деревенскаго „дѣдовскаго“ дома, отецъ занималъ насъ разсказами о своей службѣ, о своихъ встрѣчахъ и приключеніяхъ. Старый морякъ черноморскаго флота, уроженецъ Петербурга, выросшій въ домѣ дяди своего Титова, причастнаго къ литературѣ, у котораго собирались корифеи „россійской словесности“,—отецъ больше всего любилъ разсказывать о декабристахъ, о баснописцѣ Крыловѣ, объ издателѣ приснопамятной „Сѣверной Пчелы“ Николаѣ Гречѣ, объ авторѣ „Аммалатъ-Бека“, „Мулла Нура“ и другихъ вещей во вкусѣ Вальтеръ-Скотта, отъ которыхъ приходили въ восторгъ наши прабабушки, Александрѣ Марлинскомъ — одномъ изъ братьевъ Бестужевыхъ, примкнувшихъ къ декабристскому движенію. Кое-что изъ разсказовъ отца, прійдя въ возрастъ, я успѣлъ записать, а многое и такъ, безъ записи, уцѣлѣло у меня въ памяти. Помню, съ какимъ увлеченіемъ разсказывалъ онъ о Марлинскомъ, какъ восторженно отзывался о его умѣ, талантѣ, огромной начитанности, душевной чуткости, какою грустью звучалъ его голосъ, когда онъ вспоминалъ свою послѣднюю встрѣчу съ Марлинскимъ въ каютъ-компаніи, на кораблѣ, и о томъ, какъ пропалъ онъ безъ вѣсти въ стычкѣ при мысѣ Адлерѣ, и какъ мало-по-малу стали складываться о немъ разныя легенды, построенныя на его загадочной смерти, его исчезновеніи.

— Кажется, давно ли передъ этимъ мы мирно бесѣдовали съ нимъ о литературѣ, о его „Полярной Звѣздѣ“,—говорилъ отецъ:—и вдругъ человѣкъ пропалъ, точно сквозь землю провалился!..

— И неужели его не искали? Неужели не удалось напасть на его слѣдъ?—спрашивали мы, заинтересованные этимъ страннымъ концомъ Марлинскаго.

— Искали, разспрашивали горцевъ, награду предлагали тому, кто доставитъ хоть какія-нибудь извѣстія о пропавшемъ офицерѣ, но ничего изъ этого не вышло. А желающихъ получить награду было много. Одинъ линейный казакъ клялся и божился, что видѣлъ въ горахъ офицера въ буркѣ Бестужева, на красивомъ карабахскомъ жеребчикѣ. Офицеръ ѣхалъ и пѣлъ громкую пѣсню, но, когда встрѣтился съ казакомъ, мгновенно повернулъ коня назадъ, прокричалъ скороговоркою: „Скажи нашимъ, пусть меня не ищутъ, я имъ теперь чужой!“—и быстро ускакалъ.—„Но почему ты думаешь, что этотъ офицеръ Бестужевъ?“ — спрашивали казака.—„Помилуйте, вашескородіе, я ихнее лицо отлично помню. У нихъ большіе черные глаза, густые усы, борода бритая, и голосъ самый ихній, такой ласковый. Только послѣ того, какъ ихъ убили,—не моргнувъ глазомъ, продолжалъ врать предпріимчивый казакъ: — они очень постарѣли, и половина ихъ волосиковъ совсѣмъ посѣдѣла“. Казака велѣли посадить подъ арестъ, и тогда онъ признался, что одинъ незнакомый ему матросъ подучилъ разсказать эту небылицу: „потомъ, говоритъ, награду раздѣлимъ пополамъ“.

Приходилъ и мирный горецъ и, поникнувъ головою, говорилъ, что Искендеръ-бея (т.-е. Александра) искать нечего, потому что его уже нѣтъ въ живыхъ. И горецъ подробно повѣствовалъ о томъ, какой Искендеръ храбрый, какъ во время схватки съ непріятелемъ онъ никогда не слѣзалъ съ лошади и въ пылу битвы невольно отдалялся отъ своихъ.— „И вотъ,—разсказывалъ горецъ:—казаки не замѣтили, что быстроногій конь Искендера помчалъ его далеко-далеко. Горцы поймали его, допрашивали долго о чемъ-то, а потомъ шашками изрубили его... Былъ при этомъ одинъ плѣнный русскій офицеръ. Онъ отрѣзалъ у Марлинскаго мизинецъ, спряталъ его, держалъ въ спирту и, когда ушелъ изъ плѣна, захватилъ съ собою и драгоцѣнный мизинецъ...“ Больше горецъ ничего не могъ разсказать и протягивалъ руку за „благодарностью“.

Александръ Бестужевъ-Марлинскій.
(По поводу 75-лѣтія со дня кончины).

— Ну, а мизинецъ гдѣ теперь? Кому достался? — спрашивали мы отца хоромъ.

— Вотъ въ томъ-то и штука, что мизинца нѣтъ. Говорили, будто офицеръ потерялъ его и отъ этого сошелъ съ ума. А спустя года три-четыре исторія о мизинцѣ снова всплыла. Разсказъ горца выросъ отъ передачъ одного другому, какъ снѣжный комъ. Находились даже очевидцы, утверждавшіе, что видѣли собственными глазами этотъ палецъ, чудно сохранившійся, и таинственно прибавляли, что самъ Берстужевъ отрубилъ его и послалъ на память друзьямъ, оставшись въ Лезгинстанѣ, гдѣ онъ будто бы совершаетъ разбойные набѣги въ горахъ, подобравъ себѣ шайку головорѣзовъ. Фантазія увлекала разсказчиковъ очень далеко, и я самъ присутствовалъ при разсказѣ одного очень пожилого офицера-кавказца, который цѣлый вечеръ развлекалъ своихъ слушателей легендами о Марлинскомъ.

Какой-то казакъ будто бы клялся и божился ему, что видѣлъ Александра Бестужева въ богатой саклѣ, что у него жена-красавица, за которой онъ взялъ хорошее приданое, и что онъ по секрету выкупаетъ нашихъ плѣнныхъ, а они этого и не подозрѣваютъ.

Передавая намъ эти измышленія, отецъ страшно волновался: онъ снова переживалъ это время, всѣ толки о Марлинскомъ, котораго досужая фантазія людей, не имѣвшихъ никакого понятія объ этой свѣтлой личности, то изображала абрекомъ, съ горстью головорѣзовъ участвовавшимъ въ рукопашной схваткѣ и выходившимъ изъ нея здравымъ и невредимымъ, то, послѣ мнимаго бѣгства его, ставила въ ряды нашихъ войскъ подъ команду генерала Головина въ Салатовской экспедиціи 1839 года, т.-е. послѣ того, когда его уже и на свѣтѣ не было, наконецъ назначала его главнокомандующимъ у самого Шамиля, который шагу безъ него сдѣлать не могъ. Эта досужая фантазія умудрилась даже отыскать какого-то разносчика, который забрелъ къ лезгинамъ и въ одной богатой саклѣ встрѣтилъ русскаго, добраго и привѣтливаго. Онъ купилъ у торговца весь товаръ, далъ ему провожатыхъ и записку, велѣвъ ее показать главнокомандующему нашей арміи. И главнокомандующій прочелъ эту удивительную записку, которую послалъ затѣмъ съ фельдъегеремъ нѣкоему высокопоставленному лицу. Вотъ что̀ она гласила: „Я въ плѣну. Меня зорко сторожатъ. Я опутанъ какою-то сѣтью. Но мнѣ хорошо, меня ласкаютъ и лелѣютъ; у меня пять женъ. Вѣрѣ отцовъ моихъ я не измѣнилъ и продолжаю любить родину. Я написалъ большое произведеніе, которое дастъ мнѣ славу и заставитъ поблѣднѣть моихъ враговъ. Скоро я разбогатѣю и вернусь во что бы ни стало въ Россію. Привѣтъ братьямъ и всѣмъ, кто въ счастьѣ не забылъ подневольнаго изгнанника Александра Бестужева“. Разносчикъ былъ вытребованъ, куда слѣдуетъ; ему выдали солидную сумму на дорогу и приказали вернуться въ Лезгинстанъ и передать Бестужеву запечатанный пакетъ. А въ пакетѣ на листѣ бумаги написано было всего нѣсколько словъ: „Александру Бестужеву не смѣть возвращаться до полнаго покоренія Кавказа, иначе онъ сгніетъ въ крѣпости...“

— А то вотъ еще что̀ приходилось мнѣ слышать,— разсказывалъ намъ не безъ раздраженія отецъ.—Когда наши суда стояли у Сухумъ-Кале, съ нами познакомился и бывалъ у насъ одинъ изъ мѣстныхъ старожиловъ, кажется, звали его Транквилевскимъ. Ему пришлось встрѣтиться разъ или два съ Бестужевымъ и долго бесѣдовать съ нимъ, и онъ вынесъ такое впечатлѣніе изъ этихъ свиданій съ нашимъ романтикомъ. Бестужевъ, по его мнѣнію, при всемъ блестящемъ умѣ своемъ и любви къ родинѣ, къ русской старинѣ, способенъ былъ на сильныя, сумасбродныя увлеченія. Очертя голову, съ рѣдкимъ геройствомъ онъ готовъ былъ ринуться на врага и такъ же стремительно вступиться за

женщину, хотя бы она и не стоила его заступничества. Блестящій гвардеецъ, отдававшій обильную дань разсѣянной свѣтской жизни, Александръ Бестужевъ вдругъ до того увлекся идеями Рылѣева и кружка друзей, стоявшихъ въ оппозиціи, что и самъ примкнулъ къ декабристскому движенію... Понеся кару, просидѣвъ восемь мѣсяцевъ въ Петропавловской крѣпости, будучи сосланъ въ Финляндію, далѣе въ Якутскъ, а затѣмъ переведенный рядовымъ на Кавказъ, онъ и тутъ со свойственнымъ ему увлеченіемъ отдался весь кипучей дѣятельности и въ особенности показалъ себя въ стычкѣ при мысѣ Адлерѣ. При такой склонности своей къ увлеченіямъ Бестужевъ, по словамъ сухумскаго старожила, способенъ былъ увлечься и привольной жизнью горскихъ племенъ, ихъ своеобразнымъ бытомъ... Можетъ-быть, тутъ примѣшалась и женщина... И сухумскій старожилъ высказывалъ предположеніе, что Бестужевъ, будучи раненъ, попалъ въ плѣнъ, а затѣмъ и остался въ горахъ, считаясь безъ вѣсти пропавшимъ... Сухумскій старожилъ добавлялъ къ этому, что много лицъ изъ разныхъ слоевъ общества утверждали, будто имъ приходилось встрѣчать русскаго, который былъ образованъ, уменъ и среди горцевъ считался своимъ человѣкомъ, и что они называли его Искендеромъ.—Я съ этимъ сухумскимъ старожиломъ, — говорилъ намъ отецъ:—спорилъ чуть не до ссоры, но онъ все-таки стоялъ на своемъ твердо и продолжалъ утверждать, что Бестужевъ былъ слишкомъ увлекающійся человѣкъ, и что онъ не погибъ на войнѣ, а умеръ своей смертью среди горныхъ орловъ.

Отецъ совсѣмъ заволновался при разсказѣ о встрѣчѣ своей съ сухумскимъ старожиломъ, о томъ, какое обидное предположеніе высказывалъ этотъ „злой человѣкъ“,—и отъ волненія умолкъ въ этотъ вечеръ. Спустя нѣсколько дней, онъ вновь, даже безъ нашего напоминанія, вернулся къ Бестужеву-Марлинскому. Но прежде чѣмъ начать свой интересный разсказъ, онъ прошелъ въ свой кабинетъ и принесъ оттуда нѣсколько книжекъ небольшого формата съ прелестной виньеткой, на которой изображена лира въ облакахъ съ повѣшеннымъ на ней вѣнчикомъ и съ яркой звѣздой вверху, бросающей лучи. Сверху лучей мы прочли сдѣланное полукругомъ заглавіе: „Полярная Звѣзда“.

— Первую книжку подарилъ мнѣ самъ покойный Александръ Александровичъ,—сказалъ мнѣ отецъ:—а остальныя я лѣтъ черезъ семь или восемь совершенно случайно нашелъ на чердакѣ моей квартиры въ Севастополѣ. Посмотри, что̀ написано на книгѣ внутри обложки.

Отвернувъ листокъ папиросной бумаги, приклеенной къ обложкѣ ради сохранности написаннаго, я прочелъ:

Тоска мнѣ душу обуяетъ,
Какъ пташкѣ сирой безъ гнѣзда...
И мнѣ во вѣкъ не засіяетъ,
Моя померкшая звѣзда!

А внутрь книжки былъ вложенъ лоскутокъ синеватой, съ водяными знаками, бумаги, на которомъ характернымъ размашистымъ почеркомъ Пушкина было изображено довольно мало извѣстное его восьмистишіе:

Не рано ль ахнула Европа?
Не велика еще бѣда:
Отъ петербургскаго потопа
Спаслась Полярная Звѣзда.
Твой, Александръ, ковчегъ на брегѣ!
Парижа ясны высоты,
А въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди и скоты!

Листокъ этотъ подарилъ отцу моему родственникъ его матери, моей родной бабки, рожденной Вердеревской, писатель 40—50-хъ годовъ, отчасти поэтъ, авторъ книги „Плѣнъ у Шамиля“, Евграфъ Петровичъ Вердеревскій. Отецъ очень дорожилъ этой первой книжкой „Полярной Звѣзды“ съ автографами Пушкина и Бестужева и хранилъ ее вмѣстѣ съ остальными книжками въ секретномъ ящикѣ своей старинной шифоньерки.

Отецъ долго возился, укладывая свои драгоцѣнныя книжки, и, вернувшись, сказалъ:

— Я не стану передавать вамъ тѣ мелкія, одну на другую похожія, легенды, которыя приходилось слышать и мнѣ и многимъ товарищамъ по службѣ и знакомымъ. Всѣ эти легенды сводятся къ тому, что Бестужевъ остался жить на Кавказѣ и возвращаться въ Россію не желаетъ изъ боязни наказанія за старыя прегрѣшенія. Но зато я разскажу вамъ исторію, слышанную отъ одного старика, не то итальянца, не то грека. Это былъ почтенный, весьма серьезный и внушающій къ себѣ большое довѣріе, человѣкъ лѣтъ шестидесяти слишкомъ, отставной военный, совершившій не мало походовъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ при усмиреніи непокорныхъ горцевъ. По его увѣренію, онъ зналъ Бестужева превосходно. Восторженностью, почти благоговѣніемъ дышали его разсказы о безслѣдно исчезнувшемъ писателѣ. Гдѣ-то у меня записана фамилія этого офицера-итальянца или грека, а сейчасъ я ее вспомнить не могу. Да и не въ этомъ дѣло. Какъ-то осенью 1831 года русскія войска пришли въ Табассарань, чтобы стереть съ лица земли одинъ изъ ауловъ, постоянно намъ грозившій, нѣчто въ родѣ горской штабъ-квартиры. Нашъ отрядъ расправился съ нимъ быстро. Огонь сдѣлалъ свое дѣло—и къ ночи казаки съ трудомъ тащили въ лагерь богатую добычу, оставленную бѣглецами: кто тащилъ богатѣйшіе ковры, кто навьючилъ на выносливаго коня цѣлыхъ два роскошныхъ сѣдла и нѣсколько шашекъ, кто волочилъ съ полдесятка бурокъ и другой одежды и пр. Казаки со всѣмъ этимъ „благопріобрѣтеннымъ“ обходили пристаница офицеровъ и навязывали имъ всякую всячину, отъ кинжала до бурки.

„Бестужевъ купилъ новехонькую, чудную бурку, по свойственному ему великодушію заплатилъ за нее щедрѣе другихъ и вдругъ примѣтилъ, что пола бурки чуть-чуть надорвана. — „Экая досада!—сказалъ онъ казаку:—кто-то ухитрился разрѣзать ее или зацѣпить за что-то острое... Вѣдь бурка крѣпкая!“—„Никакъ нѣтъ, вашескородіе. Это песъ проклятый сдѣлалъ прорѣху зубами!“ И казакъ подробно разсказалъ, какъ въ одной саклѣ возлѣ убитаго „непріятеля“ сидѣла на этой самой буркѣ обезумѣвшая отъ ужаса и горя десятилѣтняя дѣвочка, а у ногъ ея растянулся злющій-презлющій песъ, который бросился на казака, когда онъ сталъ вытаскивать изъ-подъ дѣвочки бурку, и ухватился зубами за ея краешекъ, и какъ хотѣлъ этотъ казакъ прирѣзать и „басурманку“ и собаку,—да некогда было...

„Казакъ и докончить не успѣлъ этого повѣствованія, какъ Марлинскій бросилъ разсказчику еще червонецъ и съ присущей нашему пылкому, быстро загоравшемуся романисту стремительностью велѣлъ казаку вести себя въ полуразрушенную саклю, отстоявшую отъ квартиры Марлинскаго довольно далеко. Съ нимъ отправился и очевидецъ всего этого, офицеръ съ греческой или итальянской фамиліей. Тяжелую картину увидѣли вошедшіе въ саклю. У самаго входа ея, почти на порогѣ, близъ обуглившейся двери, лежалъ раненый въ шею и голову, уже посинѣвшій, полураздѣтый горецъ. Громадная лужа крови возлѣ трупа еще не успѣла впитаться въ землю, и ею была забрызгана сидѣвшая съ собакой дѣвочка. Ребенокъ сложилъ руки на груди и взоромъ, въ которомъ свѣтилось отчаяніе, молилъ вошедшихъ о пощадѣ, а собака неистово лаяла, но отъ дѣвочки не отходила. Марлинскій бросилъ пару сухарей собакѣ, но она не притронулась къ приманкѣ и продолжала рычать и визжать, пока дѣвочка не сказала ей нѣсколько успокоительныхъ словъ. И послѣ этого ребенокъ вдругъ протянулъ руки къ Марлинскому. А тотъ подхватилъ ее, окуталъ буркой и сказалъ дѣвочкѣ по-персидски,—онъ превосходно владѣлъ этимъ языкомъ, — что не сдѣлаетъ ей зла, чтобы она не боялась. Собака, слегка подвывая, поплелась за уходившими.

„Марлинскій всю дорогу несъ дѣвочку на рукахъ; она довѣрчиво прижалась къ нему, гладила его шею и щеки, мокрыя отъ слезъ, и безъ конца лепетала ему: „добрый русъ, хорошій!“ Ребенокъ инстинктомъ понялъ чудную, благородную душу своего спасителя, его мягкое, на рѣдкость благородное сердце.

„Вернувшись къ себѣ, Бестужевъ поселилъ дѣвочку и вѣрнаго ея сторожа и друга у своего товарища, свидѣтеля этого удивительнаго происшествія. Дѣвочку окрестили и нарекли Ниной, именемъ равноапостольной просвѣтительницы Грузіи. Александръ Бестужевъ горячо молился въ день крестинъ и передъ иконой клялся, что для Нины онъ будетъ самымъ нѣжнымъ отцомъ и на ней основываетъ все свое счастье. И дѣйствительно, его заботы о Нинѣ были изумительны; привязался онъ къ ней всѣми силами души, лелѣялъ ее, баловалъ всячески, а когда ея крестнаго отца, офицера съ итальянской или греческой фамиліей, назначили на какую-то должность въ Дербентъ, и Бестужевъ долженъ былъ поневолѣ разстаться съ своей пріемной дочерью, онъ страшно тосковалъ и за день до разлуки съ ней осунулся, поблѣднѣлъ до неузнаваемости и всю ночь не смыкалъ глазъ. Она уже умѣла читать и писать по-русски, а въ тетради своей для чистописанія всего чаще выводила каллиграфически: „Любимый отецъ мой Александръ“, варьируя эту фразу до безконечности. Бестужевъ часто пріѣзжалъ въ Дербентъ, привозилъ ей кучу подарковъ и, несмотря на всю свою замкнутость, признавался крестному отцу Нины, что его чувство къ ней растетъ съ каждымъ днемъ, что любитъ ее больше жизни и все меньше и меньше любовью отца... И такъ промелькнуло лѣтъ шесть. Бестужевъ въ дни пріѣзда къ Нинѣ все сильнѣе и чаще задумывался.

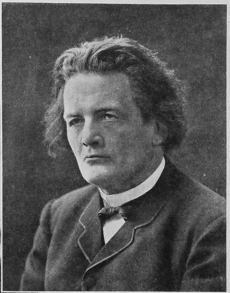
„Однажды пріѣхалъ онъ пасмурный и на себя не похожій—сердитый, неласковый. Сухо поздоровался съ Ниной, слегка оттолкнулъ любимую собаку, ползавшую у его ногъ, и скоро ушелъ въ свою комнату. Цѣлую ночь онъ что-то писалъ, что-то жегъ; вскакивалъ со стула, мѣрялъ комнату учащенными шагами. И Нина и ея крестный отецъ не спали, страдая за него. А когда, истомленные, они задремали и съ первыми лучами разсвѣта проснулись, стали прислушиваться, что̀ дѣлается въ комнатѣ Бестужева,—ихъ поразила мертвая тишина, царившая въ ней. Не сговариваясь, они на цыпочкахъ подошли къ его двери, пріотворили ее—и остолбенѣли. Комната была пуста... Масса сожженной бумаги валялась въ разныхъ мѣстахъ—и только. Никакой записки не было. Марлинскій исчезъ невидимкой, исчезъ навѣки... Нина въ тотъ же день сошла съ ума... Собака исчезла навсегда.“

Къ рисункамъ.

Холодная и голодная зима выгнала лисицу изъ теплой норы искать пропитанія. Осторожно, неслышными шагами крадется ловкій и хитрый звѣрь по глубокому снѣгу, и его зоркіе глаза уже увидѣли *добычу*. Изящная картина художника П. Лейтерица живо передаетъ ухватливыя и ловкія движенія лисицы и ея обостренную внимательность.

Картина Г. Лауэнштейна „*Радость моя быть съ сынами человѣческими*“ написана на извѣстный текстъ Притчей Соломоновыхъ (гл. 8, ст. 31). Въ данной притчѣ рѣчь идетъ о Мудрости: „Я родилась, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источниковъ, обильныхъ водою. Когда Онъ уготовлялъ небеса, я была тамъ; когда Онъ проводилъ круговую черту по лицу бездны, когда утверждалъ вверху облака, когда укрѣплялъ источники бездны, когда давалъ морю уставъ, чтобы воды не переступали предѣловъ его, когда полагалъ основанія земли—тогда я была при Немъ художницею и была радостью всякій день, веселясь предъ лицомъ Его все время, веселясь на земномъ кругу Его, и радость моя была съ сынами человѣческими“... Вдохновенный этими поэтическими словами, нѣмецкій художникъ изобразилъ черты Богоматери и Спасителя, въ которыхъ сіяетъ отраженіе Предвѣчной Божественной Мудрости.

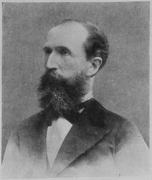
Картина В. Гольманъ-Гента „*Лэди изъ Шаллота*“ служитъ иллюстраціей къ красивой поэмѣ Тенисона.



Основатель и первый директоръ Петербургской консерваторіи Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.

Нынѣшній директоръ Петербургской консерваторіи Александръ Константиновичъ Глазуновъ.

Петербургская консерваторія. По поводу 50-лѣтія со дня ея основанія (1862—1912 г.). Общій видъ зданія.



Профессоръ международнаго права Московскаго университета, графъ Л. А. Камаровскій, извѣстный дѣятель въ пользу мира, скончавшійся 8 декабря с. г.

Въ башнѣ, на островѣ Шаллотъ, живетъ отшельница. Передъ нею зеркало. И все, чтò она видитъ въ зеркалѣ, она вышиваетъ. Надъ нею тяготѣетъ страшное заклятіе: если она прерветъ хотя бы на мигъ свое вышиваніе—она погибнетъ. И вотъ однажды въ зеркалѣ показался рыцарь короля Артура—Ланцелотъ. Онъ былъ такъ прекрасенъ, что лэди изъ Шаллота не могла не заглядѣться на него. Невольно опустились у нея руки, она перестала вышивать... И вдругъ зеркало треснуло, вышиванье спуталось, и лэди изъ Шаллота гибнетъ. Заклятіе исполнилось...

На изящной акварели С. Соломко *„Стражъ"* пернатый хищникъ зорко стережетъ красавицу. Тоскуетъ и томится она за рѣшеткой окна и ждетъ, не пріѣдетъ ли изъ утренней стороны прекрасный витязь, чтобы освободить ее изъ злого заточенія...

Декларація правительства въ оцѣнкѣ думскихъ партій.

(Вопросы внутренней жизни).

Поскольку думскія партіи являются выразительницами русскаго общественнаго мнѣнія, постольку обширная декларація премьеръ-министра, не нашедшаго опоры ни въ одномъ изъ существующихъ общественныхъ теченій, не могла разсчитывать на радушный пріемъ. Въ высшей степени мѣткую оцѣнку и внутренней и внѣшней политики В. Н. Коковцова далъ членъ Гос. Думы Пуришкевичъ, сказавшій совершенно корректную рѣчь, почти не вызвавшую обычныхъ протестовъ и скандальныхъ думскихъ инцидентовъ.

„Декларація предсѣдателя Совѣта Министровъ,—сказалъ онъ:—судя по газетамъ, была встрѣчена, за рѣдкими исключеніями, съ чувствомъ полнаго удовлетворенія за границей. Но значитъ ли это, что и мы были ею удовлетворены? И мнѣ вспоминаются по этому поводу слова одного изъ великихъ почившихъ русскихъ монарховъ, который про одного изъ дипломатовъ, аккредитованнаго при великой державѣ, котораго хвалили за границей, сказалъ, что онъ былъ бы спокойнѣе за интересы Россіи и предпочелъ бы, чтобы этого дипломата хвалили въ Россіи и бранили за границей. То же можно повторить и про слова предсѣдателя Совѣта Министровъ. Пусть его хвалятъ газеты нашихъ внѣшнихъ политическихъ противниковъ, но мы не можемъ иначе, какъ отрицательно, отнестись къ большей части того, чтò имъ было сказано въ Думѣ. Мы старались уловить идейность и политическую послѣдовательность въ томъ законодательномъ потопѣ, который выливался передъ нами, и были свидѣтелями удивительной ловкости проведенія мыслей, когда предсѣдатель Совѣта Министровъ, плавно качаясь справа налѣво и слѣва направо, изображалъ собою политическія качели. Мы оставались къ этому холодными, и ни одного знака одобренія не вырвалось съ правыхъ скамей. Мнѣ кажется, что ни правые, ни центръ, ни кадеты, ни крайніе лѣвые не могутъ составить себѣ яснаго и точнаго представленія о задачахъ правительства на основаніи того, чтò было намъ сказано. Намъ надоѣло и претитъ шаткость этой власти, ея неспособность твердо и прямо сказать, чего она хочетъ. Мы хотимъ видѣть въ объединенномъ кабинетѣ не того двуликаго Януса, котораго мы видѣли здѣсь третьяго дня, мы хотимъ сознавать, что государственная программа его дѣятельности представляетъ собою не перержавѣвшій маятникъ около старыхъ прекрасныхъ, съ башеннымъ боемъ, русскихъ часовъ. Качаясь справа налѣво, здѣсь говорили пріятное и центру, и не тошное лѣвымъ, упоминали о Самодержавіи и хотѣли указать, что конституціонные принципы, о которыхъ говорилъ въ первый день предсѣдатель Гос. Думы, не чужды и представителю высшей правительственной власти. Представленное намъ обиліе законопроектовъ не является гарантіей благополучія государственной жизни. И не количествомъ законовъ, а качествомъ ихъ опредѣляется ходъ жизни народовъ. Не въ нихъ гарантія успокоенія страны и дальнѣйшаго прогрессивнаго роста Россіи. Государственная жизнь слагается изъ твердости правительственной политики, изъ единства одновластія. Между тѣмъ мы видѣли передъ собою не яркую путеводную звѣзду, а млечный путь туманности, въ которомъ невозможно разобраться.

„Повсюду расшатанность русской власти. Вездѣ желаніе втиснуть и втянуть Россію во внѣшнія осложненія. Развѣ все это не грозные симптомы въ тотъ моментъ, когда разыгрываются внѣшнія событія, которыя заставятъ всю силу государственнаго ума и правительственной энергіи обратить на борьбу съ внѣшнимъ врагомъ?

„Въ результатѣ является шаткость внѣшней политики въ Россіи, а на этой шаткости строится убѣжденіе и о слабости Россіи. Мы должны отрѣшиться,—закончилъ Пуришкевичъ:—отъ бюрократической маниловщины. Для того, чтобы не дать себя побить, нужно быть властнымъ, сильнымъ и послѣдовательнымъ". *(Аплодисменты справа)*.

При всемъ несходствѣ партійной окраски, смѣнившій В. М. Пуришкевича В. А. Маклаковъ былъ вынужденъ подчеркнуть близкое сходство настроенія, до нѣкоторой степени роднившее его съ предшественникомъ по трибунѣ.

— Мнѣ кажется,—заявилъ онъ:—что въ настоящее время, хотя мы и не единомышленники, какъ не единомысленна вся страна, за исключеніемъ очень небольшой кучки людей, насъ объединяетъ одно общее чувство, которое звучало и въ словахъ Пуришкевича. Чувство это то, что: какъ мы до сихъ поръ шли, дальше итти нельзя! Мы знаемъ, что люди власти, смотрящіе глазами оптимистовъ, не склонны вѣрить предсказаніямъ катастрофъ и несчастій.

„Не касаясь во всей полнотѣ вопросовъ внѣшней политики, я думаю, мы всѣ, русскіе люди, не можемъ сказать, что въ этотъ критическій моментъ, когда перевертываются страницы всеобщей исторіи, Россія въ этомъ конфликтѣ была на высотѣ нашихъ ожиданій, говорила и дѣйствовала тѣмъ языкомъ, которымъ должна дѣйствовать и могла бы дѣйствовать Россія. Я говорю о всей Россіи въ совокупности. Слова предсѣ-

Первый настоятель русской посольской церкви въ Софіи о. Преображенскій.

Новоустроенная русская посольская церковь въ Софіи, первымъ настоятелемъ которой назначенъ протоіерей о. Преображенскій.

дателя Совѣта Министровъ по внѣшней политикѣ не встрѣтили общаго сочувствія, и я принадлежу къ тѣмъ, которые желали бы, чтобы въ нихъ было больше опредѣленности и ясности; чтобы здѣсь говорили тѣмъ языкомъ, которымъ нужно говорить отъ имени Россіи; чтобы здѣсь было сказано, что Россія не хочетъ войны и завоеваній, не ищетъ ничего для себя,—но въ то же время было бы сказано и то, что она знаетъ, въ чемъ ея достоинство и историческій долгъ, и если не ищетъ катастрофъ, то также и не боится ихъ. *(Апплодисменты въ центрѣ, на скамьяхъ націоналистовъ и слѣва).* Въ этотъ историческій моментъ не было того, что̀ всегда бывало въ старину: не было единой Россіи, а были два лагеря — власть и страна, которые не вѣрили другъ другу, было раздвоеніе, на которомъ спекулируютъ и шантажируютъ насъ наши враги. Я хотѣлъ бы сказать этимъ врагамъ, которые преувеличиваютъ свои силы и свое согласіе, что они очень ошибаются, что своимъ поведеніемъ, сами того не зная, они работаютъ на сплоченіе русской моцци и русскаго единства. Если настанетъ моментъ несчастія, когда Россія должна будетъ исполнить свой долгъ, то мы глубоко вѣримъ, что правительство не будетъ пользоваться этой катастрофой для сведенія счетовъ съ политическими противниками, а мы, его политическіе противники, будемъ помнить, что власть защищаетъ въ это время достоинство и интересы Россіи. *(Одобрительные возгласы въ центрѣ и на скамьяхъ націоналистовъ).* Мы будемъ помнить, къ чему насъ обязываетъ наше прошлое и наше будущее. *(Шумные апплодисменты центра, націоналистовъ и слѣва).* И мы не сдѣлаемъ того позора, чтобы унизить себя въ глазахъ всей Европы, не дадимъ соблазнительнаго при-

такую высоту, что Монархъ самъ отказался отъ права измѣнять его безъ Гос. Думы, то передъ нимъ должны склонить головы администраторы и не ставить себѣ въ заслугу, не дѣлать карьеры на борьбѣ съ новымъ порядкомъ... Предсѣдатель Совѣта Министровъ говорилъ, что наступилъ моментъ водворенія правовыхъ основъ. Но это мы слышали во второй и третьей Думахъ. И когда я слушалъ предсѣдателя Совѣта Министровъ съ его перечнемъ реформъ, я зналъ, что страна скажетъ, что ей неинтересны эти законы, что законами Россію не обновить, что нужно болѣе простое и мелкое—быть увѣреннымъ, что у власти есть добрая воля. Иначе, если этого не будетъ, законы станутъ новымъ орудіемъ пытокъ надъ русскимъ обществомъ, явятся обманомъ и провокаціей, на которую Россія черезъ пять лѣтъ уже не пойдетъ. А сейчасъ власть сумѣла оттолкнуть даже и тотъ консервативный классъ, который бывалъ всегда ея опорой, который страстно желаетъ покоя и думаетъ о хлѣбѣ насущномъ. И онъ пришелъ къ врагамъ власти, зная, что наше отношеніе къ вамъ—непримиримая вражда и отрицаніе. Средній классъ долженъ увидѣть, что власть, это — слуги государства, а не опричники, что надъ нимъ не издѣваются, а ему служатъ, являются его опорой. Власть отучила русское общество отъ свободы и самодѣятельности. Она боялась общественнаго пробужденія и всегда опасалась политическихъ реформъ. Пусть теперь она заключитъ миръ на основахъ, которыя предсказаны ей еще въ 1905 г. Пусть она признаетъ новый строй и Манифестъ и всѣ вытекающія изъ него послѣдствія. И только на этомъ пути возможно примиреніе власти со страной!“ *(Шумные апплодисменты въ центрѣ и слѣва).*

Старшій товарищъ предсѣдателя кн. В. М. Волконскій.

Младшій товарищъ предсѣдателя кн. Д. Д. Урусовъ.

Секретарь И. Н. Дмитрюковъ.

Старшій помощникъ секретаря Н. Н. Львовъ.

Президіумъ Государственной Думы четвертаго созыва.

мѣра нашимъ братьямъ-славянамъ, и наши враги въ этомъ ошибутся“.

Еще ярче была оцѣнка той части деклараціи, которая касалась внутренней жизни Россіи:

„Мы сбились съ какого-то пути, а на новый не стали. Справа говорятъ, что слабость Россіи въ томъ, что она забыла свои старые лозунги: „самодержавіе, православіе и народность“. Но я спрошу фанатиковъ этой идеи: неужели они съ глубокой скорбью не замѣчаютъ, что за послѣднія пять лѣтъ успокоенія Россіи обаяніе и авторитетъ этой формулы не возросъ? Кто это сдѣлалъ?— Это сдѣлали ея собственные сторонники и поклонники! Я понимаю тѣхъ, кто скорбитъ, что православная церковь теряетъ обаяніе въ нашей православной странѣ. Но сдѣлали ли это мы, которые имѣли дерзость думать, что въ церковно-приходскихъ школахъ учатъ хуже, чѣмъ въ земскихъ, и что свобода совѣсти не терпитъ угрозъ и возмездія? Или это сдѣлали тѣ господа, которые изъ пастырей Бога живого создали теперь избирательное стадо? *(Апплодисменты слѣва).* Русская народность создала Россію, и мы ей за это обязаны. Но это была та народность, которая не поднимала до верховъ фанатизма въ нее вѣрующихъ... Третій лозунгъ—Самодержавіе. Въ 1905 г., въ моментъ своего наибольшаго торжества, оно предпочло пользу Россіи объему своей собственной власти. Обаяніе этого титула подрывали не тѣ, кто принялъ Монаршее слово во всей его полнотѣ, кто повѣрилъ, что это—поворотный пунктъ исторіи,а тѣ, кто старался увѣрить, что послѣ 17 октября ничего не измѣнилось, и кто олицетвореніе русскаго государства, русскаго Царя, старался представить въ глазахъ народа простымъ членомъ опредѣленной политической партіи. Мы относимся съ уваженіемъ къ этой формулѣ, какъ къ старинѣ, но, какъ программа дѣйствій, это никого не подниметъ, и этотъ путь, очевидно, теперь исключенъ. Остается итти на путь Манифеста, примириться съ нимъ, какъ съ фактомъ, и съ его послѣдствіями. Одно изъ двухъ—либо власть настолько безумна, что она, уничтожая законъ, способна сдѣлать попытку реставраціи прежняго, либо, не качаясь, безъ обиняковъ, пойдетъ по новому пути. Между тѣмъ принципы 17 октября являются какъ-будто подводными камнями, за которые администраторы боятся задѣть. Если законъ поставленъ на

Третій ораторъ, гр. В. Бобринскій, выступившій отъ имени націоналистовъ, прекрасно выразилъ общія чувства и взгляды на международное положеніе Россіи. Сравнивъ кипучія военныя приготовленія по ту сторону австрійской границы съ полнымъ спокойствіемъ, царящимъ у насъ, онъ задаетъ вопросъ:

— Кто можетъ насъ обвинять въ отсутствіи миролюбія? Не слѣдуетъ ли, наоборотъ, спросить правительство: исполнило ли оно свой долгъ? Вѣдь наша сосѣдка, названная предсѣдателемъ Совѣта Министровъ дружественной державой, довела составъ своего войска до 900.000. Мобилизованы корпуса, находящіеся на границѣ Сербіи и Россіи; заказы, сдѣланные во Франціи, спѣшно исполняются. Обращено вниманіе на воздухоплавательное дѣло. Въ Чехіи изготовляются походныя кухни, сани для артиллеріи и 100.000 паръ лыжъ.

„Не слишкомъ ли мы довѣрчивы, не безпечны ли? Передъ нами за два съ половиной мѣсяца развернулась дивная картина объединенія балканскихъ государствъ и побѣдоносной войны за подъяремныхъ братьевъ, за вѣру православную, за свободу народа. Побѣды неслыханныя въ анналахъ исторіи; и теперь, послѣ 35 лѣтъ, стало ясно, что недаромъ поколѣніе за поколѣніемъ русскихъ людей усѣивали своими костями Балканы. Намъ выпало счастье стать свидѣтелями Санъ-Стефанскаго договора въ полной мѣрѣ. Зло, содѣянное Берлинскимъ трактатомъ, нынѣ смывается въ потокахъ крови славянъ и эллиновъ!

„Мы спокойны и миролюбивы въ Россіи, ибо ничего не ищемъ, ибо нашъ лозунгъ—Балканы для балканскихъ народовъ и больше ни для кого. (*Голоса:* „браво!“). Свобода славянамъ и эллинамъ, ибо эту свободу они завоевали дивными подвигами своихъ воиновъ!

„Но миролюбіе миролюбію рознь. Мы были миролюбивы въ 1908 г., при аннексіи Босніи и Герцеговины. Это было миролюбіе безсилія, миролюбіе содѣянныхъ ошибокъ. Съ затаенной злобой и со скрежетомъ зубовнымъ мы должны были признать совершившійся фактъ, невзирая на весь его ужасъ.

„Нынѣ наше миролюбіе совершенно иного свойства: члены коммиссіи государственной обороны третьей Думы хорошо знаютъ, сколько сдѣлано въ области защиты и возрожденія могущества Россіи совмѣстнымъ трудомъ правительства и Гос. Думы.

„Мы теперь не связаны никакими ужасными договорами. Нынѣ наше миролюбіе, это—миролюбіе чистой совѣсти и сознанія возродившейся мощи Россіи.

„Министру иностранныхъ дѣлъ приписываютъ слова: „Россія 1912 года—не Россія временъ аннексіи“. Это слова крѣпкія, какъ сталь, и единственное наше пожеланіе, чтобы правительство было готово, въ случаѣ нужды, эти слова воплотить въ дѣло.

„Мы можемъ вновь вести нашу вѣковую политику защиты славянскихъ братьевъ и православныхъ единовѣрцевъ на Балканахъ. И не дай Богъ, чтобы мы заговорили: миръ, во что бы то ни стало.

„Эта формула не только унизительна, но и опасна. Она можетъ вскружить кое-кому голову и довести насъ до войны. Мы желаемъ, чтобы правительство сказало: миръ, но не касайтесь нашего достоинства и святыни русскаго народа! миръ, но не попирайте законныхъ правъ нашихъ братьевъ. Эти братья истощены войной, но Россія стоитъ на стражѣ нетронутая и сильная. Наши братья должны пожать плоды своихъ побѣдъ, и недопустимо, чтобы послѣ Санъ-Стефано было повтореніе Берлина!“ *(Взрывъ аплодисментовъ, крики:* „браво!“).

„Греки должны освободить своихъ единовѣрцевъ отъ турецкаго ига, а Черногорія должна расширить свои владѣнія. Болгарское племя должно объединиться отъ Дуная до Чернаго моря, до моря Эгейскаго. Сербія, нынѣ намъ наиболѣе родная, такъ какъ она находится въ наибольшей опасности, должна утвердиться на Косовомъ полѣ и въ Старой Сербіи. Она должна получить выходъ къ Синему и Ядринскому морямъ.

„Не думайте, что конфликтъ, который насъ всѣхъ безпокоитъ, сводится къ вопросу о выходѣ Сербіи къ морю. Вопросъ въ томъ, что Сербія стоитъ поперекъ нѣмецкаго Drang nach Osten... Вопросъ идетъ о томъ, чтобы попрать Сербію, разнести балканскій союзъ, завладѣть всѣмъ западомъ Балканъ, а затѣмъ перейти и къ Восточнымъ Балканамъ. Багдадской дорогой будетъ стянутъ желѣзный обручъ, въ которомъ задохнется весь югъ Россіи. Правительство заявило, что не видитъ пользы, а тѣмъ болѣе—необходимости противополагать однѣ группировки державъ другимъ. Однако нѣмецкій канцлеръ говорилъ иначе и противополагалъ тройственный союзъ тройственному соглашенію. Ихъ противополагаютъ и сама жизнь и многовѣковая исторія.

„Въ Европѣ побуждаютъ Турцію продолжать войну, грозятъ карательными экспедиціями въ Сербію и занятіемъ Бѣлграда. Что̀, если бы слухи эти осуществились? Въ Россіи поднялся бы такой вихрь народнаго негодованія и религіознаго чувства, который вернулъ бы насъ къ великимъ днямъ нашей исторіи!

„Мы можемъ сказать только одно, что если теперь наступаетъ роковой часъ развязки, и если правительство окажется не готовымъ встрѣтиться съ тѣмъ, что̀ предстоитъ испытать Россіи, то надъ этимъ правительствомъ будетъ грозный судъ и Царя, и русскаго народа, и русской исторіи!“ *(Продолжительные аплодисменты въ центрѣ и справа).*

Лидеръ прогрессистовъ Ефремовъ тоже высказался отъ имени своей фракціи вполнѣ опредѣленно:

— Русскій народъ не желаетъ войны, ничего не хочетъ взять цѣною крови братьевъ-славянъ, но не можетъ потерпѣть новыхъ оскорбленій національнаго чувства и скажетъ, что необходимый Сербіи портъ ни для кого не представляется такимъ важнымъ, чтобы изъ-за него могла возникнуть европейская война, но для того, чтобы прочный миръ установился на Балканахъ, явился залогомъ мира Европы, жизненные и кровные интересы славянскихъ народовъ на Балканахъ должны быть удовлетворены. Позвольте мнѣ кончить пожеланіемъ, чтобы ничья дерзновенная рука не поднялась отнять у нашихъ братьевъ-славянъ плоды ихъ геройства и ихъ побѣдъ!“

Въ томъ же общемъ тонѣ горячаго сочувствія балканскимъ славянамъ и категорическаго требованія неприкосновенности плодовъ ихъ побѣдъ говорилъ ораторъ октябристской фракціи Шидловскій. Рѣзкій диссонансъ въ единодушный приговоръ всей Думы внесъ лидеръ кадетовъ П. Н. Милюковъ, выступившій въ защиту сдѣланныхъ нашею дипломатіею на лондонской конференціи уступокъ австрійскимъ домогательствамъ, лишившимъ Сербію завоеваннаго ею территоріальнаго выхода къ Адріатическому морю. Выступленіе Милюкова не смогло подорвать единства настроенія, властно охватившаго всю Гос. Думу и всю Россію. Мысль и воля страны нашли такое полное и категорическое выраженіе, что дальнѣйшія рѣчи по этой части декларации уже какъ бы утратили всякій интересъ. Борьба партій сосредоточилась на оцѣнкѣ правительственной программы въ области внутренней политики.

Многознаменательно прозвучали слова оратора мусульманской группы члена Думы Ахтямова:

— Мы, мусульмане считаемъ себя прежде всего гражданами Россіи, а затѣмъ уже особой національностью. Наше отечество—Россія, и благоденствіе свое мы строимъ всецѣло на благоденствіи и процвѣтаніи Россіи. *(Одобрительные возгласы и аплодисменты въ центрѣ).* Будущее родины намъ не менѣе дорого, нежели русскимъ, ибо у русскихъ мусульманъ нѣтъ политическихъ судебъ, раздѣльныхъ отъ судебъ Россіи. *(Аплодисменты).* Мы категорически протестуемъ противъ всякихъ обвиненій насъ въ сепаратизмѣ. Мы горюемъ однимъ горемъ съ русскимъ обществомъ и радуемся однѣми съ ними радостями. Пожеланія мусульманъ въ отношеніи осуществленія Манифеста 17 октября также не разойдутся съ пожеланіями прогрессивнаго русскаго общества.

Съ большимъ интересомъ было выслушано заявленіе новообразовавшейся въ Думѣ крестьянской партіи, сдѣланное депутатомъ крестьяниномъ Мерщіемъ:

„Группа, считая для себя невозможнымъ въ настоящее время выступить съ отвѣтомъ на декларацію предсѣдателя Совѣта Министровъ, постановила отмѣтить, съ одной стороны, полное умолчаніе въ декларации о цѣломъ рядѣ мѣропріятій, касающихся насущнѣйшихъ крестьянскихъ нуждъ первостепеннаго значенія, какъ-то: о правовомъ положеніи крестьянъ, о мѣрахъ къ устраненію малоземелья, объ освобожденіи предметовъ первой необходимости отъ налоговъ, о сложеніи съ крестьянъ натуральныхъ повинностей, о борьбѣ съ пьянствомъ и съ другими народными бѣдствіями, а съ другой стороны—недостаточное освѣщеніе иныхъ, не менѣе важныхъ для крестьянства, общегосударственныхъ вопросовъ, а именно: общественнаго призрѣнія, дорожнаго дѣла и въ особенности дѣла народнаго образованія, страдающаго отъ междувѣдомственной розни и вредной тенденціозности. Признавая необходимымъ отмѣтить неполноту программы по вопросамъ жизни, касающейся интересовъ широкихъ массъ населенія и въ частности крестьянъ, крестьянская группа постановила заявить Гос. Думѣ, что всѣ интересующіе крестьянъ, вопросы будутъ въ свое время выдвинуты группой и тогда должнымъ образомъ будутъ освѣщены съ крестьянской точки зрѣнія“.

Отвѣтъ премьеръ-министра на возраженія членовъ Гос. Думы носилъ преимущественно чисто полемическій характеръ и ничего не далъ существеннаго въ смыслѣ дальнѣйшаго истолкованія намѣреній и плановъ правительственной политики. Послѣ долгихъ преній были поставлены на голосованіе формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, и большинствомъ 132 противъ 78 принято слѣдующая формула прогрессистовъ.

„Выслушавъ заявленіе предсѣдателя Совѣта Министровъ, выражая увѣренность, что нормальная законодательная дѣятельность возможна только при совмѣстной работѣ правительства и законодательныхъ учрежденій въ направленіи искренняго осуществленія началъ, возвѣщенныхъ Высочайшимъ Манифестомъ 17 октября 1905 г., и водворенія строгой законности, Гос. Дума приглашаетъ правительство твердо и открыто вступить на этотъ путь и переходить къ очереднымъ дѣламъ“.

Затѣмъ засѣданія Думы были прерваны до 20 января.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ **возобновить подписку на „Ниву“ 1913 года заблаговременно**, такъ какъ въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногороднихъ и городскихъ подписчиковъ.

Для пересылки заказа и денегъ просимъ **воспользоваться** разосланными при нумерахъ „Нивы“ **подписными бланками въ видѣ почтоваго перевода.**

Подробное объявленіе о подпискѣ на „Ниву“ 1913 г. см. въ №№ 44 и 49.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ. Даръ. Разсказъ Л. Авиловой.—Двѣ любви. Разсказъ Бориса Лазаревскаго.—Метель. Разсказъ Е. Фишеръ.—Семивѣковый юбиляръ—Великій Устюгъ. Очеркъ Г. Сѣверцева-Полилова.—Загадка. (Изъ легендъ о Бестужевѣ-Марлинскомъ). Очеркъ П. В. Быкова.—Къ рисункамъ.—Декларація правительства въ оцѣнкѣ думскихъ партій (Вопросы внутренней жизни).—Заявленіе.—Объявленія.

РИСУНКИ: За добычей.—„Радость моя быть съ сынами человѣческими“.—Лэди изъ Шаллота.—Стражъ.—Акварель С. Соломко.—Семивѣковый юбиляръ—Великій Устюгъ (2 рис.).—Александръ Бестужевъ-Марлинскій.—Петербургская консерваторія. По поводу 50-лѣтія со дня ея основанія (1862 г.—1912 г.) (2 портр. и рис.).—Профессоръ международнаго права Московскаго университета графъ Л. А. Камаровскій.—Первый настоятель русской посольской церкви въ Софіи о. Преображенскій.—Новоустроенная посольская церковь въ Софіи.—Президіумъ Государственной Думы четвертаго созыва (4 портр.).

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. И. Куприна“ кн. 21.

Редакторъ-изд. Л. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Я. Свѣтловъ.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29. Изд. Т-ва А. Ф. Марксъ, СПБ., улица Гоголя (М. Морская), № 22.

ДОКТОРЪ МЕЙЕРЪ ХОЧЕТЪ ПОЛУЧИТЬ

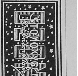
МИЛЛІОНЪ ДОЛЛАРОВЪ

отъ РОКФЕЛЛЕРА

Милліонъ долларовъ, который Джонъ Д. Рокфеллеръ предлагаетъ за здоровый желудокъ.

Обмѣнъ телеграммъ между Американскимъ милліардеромъ, керосиновымъ королемъ Джономъ Рокфеллеромъ и докторомъ медицины Антономъ Мейеръ.

Врачъ, излѣчившій много тысячъ случаевъ болѣзни желудка, кишекъ и печени, заявляетъ милліонеру Рокфеллеру, что онъ вылѣчитъ его. Въ противномъ случаѣ онъ согласенъ заплатить десять тысячъ долларовъ штрафу въ пользу любого благотворительнаго учрежденія.



Препаратъ, за который Докторъ Антонъ Мейеръ хочетъ получить этотъ милліонъ долларовъ.

Отъ одного корреспондента.

Керосиновый король Джонъ Рокфеллеръ предлагаетъ милліонъ долларовъ тому, кто вылѣчитъ его желудокъ. Онъ предложилъ эту сумму доктору Антону Мейеръ, которому послалъ слѣдующую телеграмму:

„Милліонъ долларовъ за здоровый желудокъ". „Джонъ Рокфеллеръ".

Докторъ Мейеръ отвѣтилъ ему немедленно:

„Принимаю предложеніе. Плачу 10.000 долларовъ штрафу, если не вылѣчу васъ". „Докторъ Мейеръ".

Все это казалось мнѣ интереснымъ матеріаломъ для разсказа и я отправился къ д-ру Мейеру въ лабораторію, чтобы узнать лично отъ него всѣ подробности.

Съ первыхъ словъ доктора я убѣдился, что передо мною человѣкъ съ убѣжденіями, и съ очень сильными. Онъ охотно согласился дать мнѣ свѣдѣнія о своей перепискѣ съ Рокфеллеромъ для напечатанія въ газетѣ.

„Я желалъ бы принять предложеніе Рокфеллера, — сказалъ докторъ: — и надѣюсь, что заслужу этотъ необычайный гонораръ.

Этотъ бѣдный милліонеръ обращается ко мнѣ за тѣмъ же, за чѣмъ обращались до сихъ поръ десятки тысячъ страдальцевъ всевозможными желудочными болѣзнями, и мнѣ не нужно дѣлать для него больше, чѣмъ я дѣлалъ для нихъ, чтобы избавить его отъ страданій.

Какъ милліонеру Рокфеллеру, такъ и каждому бѣдному человѣку необходимо для поддержанія здоровья и жизни, чтобы желудокъ переваривалъ принимаемую пищу и, если послѣдній самъ этого не дѣлаетъ, то нужно прійти на помощь.

Какимъ же путемъ достигнуть этого?

Взгляните только на мою книгу, написанную 20 лѣтъ тому назадъ, и прочитайте, что̀ мною сказано въ предисловіи".

Я взялъ книгу изъ рукъ доктора и прочелъ: „Если мы найдемъ средство, которое будетъ содѣйствовать каждой части пищеварительнаго тракта, т.-е. желудку, кишкамъ, печени и т. д., исполнять свою работу, то при помощи этого средства можно будетъ излѣчить всякое разстройство пищеваренія.

Я искалъ это средство всю свою жизнь. Послѣдній десятокъ лѣтъ мои изысканія были направлены къ изученію возможности введенія въ пищеварительный аппаратъ средствъ, развивающихъ активный кислородъ „Озонъ". И мнѣ удалось составить комбинацію подъ названіемъ „Стомоксигенъ", которая соотвѣтствуетъ этой цѣли.

„Стомоксигенъ" улучшаетъ питаніе тканей и повышаетъ обмѣнъ веществъ. Онъ развиваетъ, въ моментъ соприкосновенія со стѣнками желудка и кишекъ, активный кислородъ „Озонъ", который и оздоровляетъ слизистую оболочку стѣнокъ всего пищеварительнаго тракта.

„Озонъ" дѣйствуетъ антисептически, какъ идеальное дезинфицирующее средство. Стѣнки желудка и всего пищеварительнаго аппарата быстро поддаются благотворному вліянію „Озона"; перистальтическія дѣйствія становятся болѣе оживленными, благодаря чему особенно быстро излѣчиваются привычные запоры. Въ то же время важнѣйшимъ достоинствомъ этого антисептическаго средства является его оздоравливающее вліяніе на нѣжнѣйшія ткани и слизистую оболочку, что дѣлаетъ его незамѣнимымъ при катаррѣ желудка и кишекъ. Да оно и понятно. Подъ вліяніемъ активнаго кислорода, т.-е. уплотненнаго, идеально чистаго воздуха, гибнутъ всякіе микробы и міазмы, а каждая клѣтка человѣческаго организма получаетъ лучшее питаніе и крѣпнетъ".

Видно было, что докторъ начинаетъ самъ увлекаться своимъ разсказомъ, а я слушалъ его, какъ нѣкое откровеніе. Вѣдь и мой желудокъ не варитъ, я и самъ страдаю запорами, постоянной тошнотой и геморроемъ.

„Въ нашъ нервный вѣкъ",—между тѣмъ продолжалъ онъ:—„среди всякаго рода заболѣваній, первое мѣсто занимаютъ болѣзни желудка и кишечнаго канала, и онѣ-то являются причиною цѣлаго ряда заболѣваній, какъ органическихъ, такъ и нервныхъ.

Разстройства эти начинаются обыкновенно съ такъ называемыхъ привычныхъ запоромъ. При нормальной работѣ пищеварительнаго аппарата прямая кишка, въ которую поступаетъ почти переваренная пища, испражняется каждые 12 до 24 часовъ. Если же испражненія постоянно задерживаются дольше, то застоявшіеся остатки начинаютъ разлагаться и вызываютъ обильное образованіе газовъ. Застоявшіяся каловыя массы вызываютъ часто воспалительный процессъ или катарральное состояніе слизистой оболочки кишекъ, которое быстро распространяется по всему пищеварительному тракту. Давленіе газовъ и затвердѣвшаго кала на кишечникъ вызываетъ истонченіе стѣнокъ послѣдняго, что ведетъ за собою вялость и прекращеніе перистальтическихъ движеній кишекъ. Далѣе, давленіе расширеннаго отдѣла кишекъ на сосѣдніе сосуды и нервы вызываетъ геморрой и невральгическія боли. Чтобы бороться со всѣмъ этимъ, нужно мощное средство, которое одновременно оздоровило бы ослабѣвшія ткани и нейтрализировало бы ядовитые продукты разложившейся пищи, препятствуя ихъ вредному вліянію на организмъ.

Такое средство мнѣ и удалось создать въ „Стомоксигенѣ", обладающемъ необыкновенными дезинфицирующими свойствами и одновременно въ сильнѣйшей степени содѣйствующемъ оздоровленію ослабленныхъ тканей пищеварительнаго тракта. Вотъ поэтому я считаю „Стомоксигенъ" вполнѣ подходящимъ средствомъ и для г-на Рокфеллера.

Чтобы доказать свою вѣру въ надежное дѣйствіе „Стомоксигена" и въ этомъ случаѣ, я готовъ положить 10 тысячъ долларовъ для передачи въ любое благотворительное учрежденіе по его выбору, если мнѣ не удастся исцѣлить слабость его пищеварительнаго аппарата въ 2—3 мѣсяца. При этомъ я согласенъ, чтобы единственнымъ судьей полученныхъ результатовъ былъ самъ Рокфеллеръ".

„Что вы, докторъ, думаете о предложенномъ Рокфеллеромъ милліонѣ долларовъ?"

„Это вопросъ второстепенной важности. Я, конечно, хотѣлъ бы получить эти деньги, но не для себя лично, такъ какъ я въ нихъ не нуждаюсь, и милліонъ долларовъ ни на іоту не прибавитъ мнѣ счастья. Меня гораздо больше радуетъ видѣть успѣхъ моихъ препаратовъ тамъ, гдѣ столько другихъ извѣстныхъ врачей потерпѣли неудачу.

„Что бы вы сдѣлали съ этими деньгами, докторъ?"

„Если бы я получилъ этотъ гонораръ, моя мечта была бы употребить ихъ на учрежденіе Національнаго Института исключительно для лѣченія болѣзней желудка".

„А 10.000 р., которые вы предлагаете?"

„Въ тотъ день, когда г. Рокфеллеръ согласится использовать мое лѣченіе, я внесу эту сумму въ любой банкъ въ пользу бѣдныхъ, страдающихъ отъ разстройства пищеваренія, которые не въ состояніи платить за лѣченіе. Вы видите, слабость пищеварительнаго аппарата—мой конекъ.

Вы не можете достаточно оцѣнить настоящее значеніе этой задачи,—сказалъ д-ръ Мейеръ.—Настоящее исцѣленіе пищеварительнаго аппарата принесетъ болѣе счастья цивилизованному человѣчеству, чѣмъ всякое другое открытіе въ теченіе многихъ лѣтъ.

Мое лѣченіе всюду имѣетъ успѣхъ, гдѣ причина болѣзни заложена въ нервной системѣ или въ желудкѣ, кишкахъ и печени. Оно дѣйствуетъ на всю систему пищеваренія, а не только на часть ея.

Я — энтузіастъ,—скажете вы.—Но почему же мнѣ не быть таковымъ? Мнѣ благодарны тысячи людей во всей Европѣ, исцѣленные мною послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ вылѣчиться. Я — энтузіастъ, потому что я сознаю, что я предлагаю всякому страдающему отъ несваренія желудка, диспепсіи, чрезмѣрнаго выдѣленія кислотъ, газовъ, запора и т. д. вѣрнѣйшій, изъ всѣхъ извѣстныхъ до настоящаго дня, способъ исцѣленія при наименьшихъ расходахъ".

Я спросилъ д-ра Мейера, въ чемъ именно состоитъ преимущество „Стомоксигена" передъ публикующимися желудочными средствами.

„Это очень просто,—сказалъ докторъ.—Послѣ того, какъ я провелъ 22 года въ пріемномъ кабинетѣ и лабораторіи, я нашелъ способъ усовершенствовать мой препаратъ, устранивъ изъ него всѣ вредныя начала при помощи комбинаціи разныхъ медикаментовъ, и получилъ продуктъ, свободный отъ всякаго разрушающаго вліянія.

Но однако успѣхъ моего дѣла не основанъ исключительно на этомъ пунктѣ. Мое огромное дѣло развилось благодаря тому, что я тщательно изучилъ дѣйствіе „Озона" при содѣйствіи его въ процессѣ пищеваренія и созданія животнаго тепла, а также и наилучшій способъ вызвать это дѣйствіе. Это не былъ трудъ одного дня или одного мѣсяца или года, а подробное изученіе и химическія изслѣдованія, продолжающіяся много лѣтъ. Лабораторные опыты шли рука объ руку съ

практическимъ лѣченіемъ. Все, что могло бы повредить живой ткани, должно было быть изгнано, пока не былъ полученъ продуктъ, который дѣйствовалъ бы непосредственно на самый корень зла и оживлялъ бы каждую клѣтку организма".

„Скажите мнѣ, докторъ, почему кажется, какъ будто вы достигали лучшихъ результатовъ, чѣмъ другіе, и почему у васъ не было неудачъ?"

„Вы теперь затронули самый корень вопроса. Если какая-либо машина потребуетъ ремонта или исправленія, а вы исправите только одну какую-нибудь часть ея, то не можете же вы ожидать, чтобы она работала со всей производительностью, на какую она способна. Если человѣкъ страдаетъ отъ разстройства пищеваренія, каковое большею частью охватываетъ функціи желудка, кишекъ и даже печени, можете ли вы ожидать, что вы искорените болѣзнь, употребляя средство, которое дѣйствуетъ только на желудокъ? Необходимо, чтобы средство дѣйствовало на всѣ органы пищеварительной системы. Другими словами, необходимо помочь пищеварительному процессу съ начала до конца. Это-то именно и достигается при пользованіи „Стомоксигеномъ". Ничто не упущено. Нѣтъ болѣзненныхъ послѣдствій для печени, причиненныхъ засореніемъ нѣкоторыхъ органовъ. Если вы можете вникнуть въ значеніе этого условія, то вы поймете, почему при моемъ средствѣ неудача невозможна".

„Но, докторъ,—сказалъ я:—ваша теорія звучитъ хорошо, но не можете ли вы мнѣ дать достовѣрныхъ доказательствъ о совершонныхъ вами исцѣленіяхъ въ подтвержденіе вашихъ увѣреній? Вы знаете, что публикуются многія средства, и настоящій случай съ г-номъ Рокфеллеромъ служитъ хорошимъ доказательствомъ того, какъ мало такихъ средствъ, дѣйствующихъ успѣшно?"

„Это мой сильнѣйшій аргументъ,—сказалъ докторъ.—Вотъ заключеніе врачей и письма выдающихся людей, которыя они мнѣ дали безъ всякихъ просьбъ съ моей стороны. Вы можете отъ нихъ лично получить подтвержденіе того, что содержится въ этихъ письмахъ".

Докторъ показалъ мнѣ объемистую папку писемъ, въ которой я нашелъ много очень благопріятныхъ врачебныхъ заключеній, письма священниковъ, адвокатовъ и извѣстныхъ лицъ. Привожу нѣкоторыя изъ нихъ наудачу. Жаль только, что не всѣ разрѣшаютъ опубликовывать свои письма.

1) Докторъ А. Е. Волинъ, Москва, пишетъ:

Я какъ врачъ-спеціалистъ по желудочно-кишечнымъ заболѣваніямъ рѣшилъ испытать „Стомоксигенъ", и, къ своему большому удовольствію, нашелъ, что онъ отличается громадными достоинствами и большими преимуществами.

„Стомоксигенъ" не является проноснымъ слабительнымъ средствомъ, онъ производитъ послабленіе, по своему дѣйствію близкое къ нормальному, безъ всякой боли; далѣе: „Стомоксигенъ" не только временно уничтожаетъ запоръ, но совершенно излѣчиваетъ его.

Кромѣ этого „Стомоксигенъ" одинаково хорошо дѣйствуетъ при всякомъ возрастѣ—это указываетъ на его правильный составъ и дозировку.

2) Докторъ Биркинъ, Самара, больница Краснаго Креста:

Послѣ кратковременнаго (3 нѣд.) употребленія „Стомоксигена" получилось облегченіе. Явились кишечныя передвиженія, напоръ на низъ живота—на сфинкторъ, болѣе легкое послабленіе, тогда какъ прежде относительно большія дозы слабительныхъ часто оставались безъ результата.

3) Полковникъ С. М. Филимоновъ пишетъ:

Я жилъ въ университетскомъ городѣ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пользовался у лучшихъ докторовъ, но помощи почти не получалъ и уже пришелъ къ убѣжденію, что, живя восьмой десятокъ, я не могу вылѣчиться. Но мученья продолжались и я, хотя не вѣрю объявленіямъ, выписалъ пробу. Я былъ пораженъ дѣйствіемъ 3-хъ пилюль—боли подъ ложечкой прекратились, тогда я выписалъ отъ Васъ двойной пакетъ „Стомоксигена". Лѣчился въ продолженіе одного мѣсяца, боли прекратились послѣ первыхъ пріемовъ; изжога, вздутіе живота и атонія, постепенно уменьшаясь, прошли совершенно. Вотъ уже два мѣсяца, какъ кончилъ курсъ лѣченія, и ни одинъ изъ признаковъ мучившей меня болѣзни не повторялся. Могу по совѣсти сказать, что „Стомоксигенъ" избавилъ меня отъ всѣхъ мучившихъ болѣзней, за что приношу Вамъ, глубокоуважаемый докторъ, мою искреннюю благодарность. 12-го Сентября 1912 г., г. Черниговъ.

4) Священникъ Д. Бѣляевъ пишетъ:

Приношу Вамъ глубокую благодарность за „Стомоксигенъ", оказавшій мнѣ немалую пользу.

Послѣ двухмѣсячнаго пріема этого средства, вижу благіе результаты: головная боль, какъ слѣдствіе запоровъ, прекратилась, пученіе не замѣчается, запоровъ какъ не бывало, самочувствіе прекрасное. Много помогло и отъ малокровія. Въ виду несомнѣнной пользы, могу смѣло рекомендовать его страдающимъ запорами. С. Болобанова, Богородск. у., Московской губ.

5) Учитель Н. Гридинъ пишетъ:

Я и жена моя нѣсколько лѣтъ страдали катарромъ желудка, теперь, благодаря Вашему препарату, желудки наши совершенно исправились. Не писалъ Вамъ потому, что дожидался, чтобы по окончаніи лѣченія прошло нѣсколько времени; выдержавши срокъ, вполнѣ имѣю возможность сказать, что препаратъ Вашъ чудеснѣйшее средство противъ катарра желудка и въ особенности устраняетъ всякія геморроидальныя заболѣванія. Мнѣ 53 года, женѣ 54. Прибавляю это для того, что, быть можетъ, кто-либо думаетъ, что въ этомъ возрастѣ Ваше средство недѣйствительно, то пусть знаютъ, что они ошибаются. Примите глубокую благодарность за Ваше средство и желаю на пользу людей распространенія Вашего препарата. 2-го Октября 1911 г. Саранскъ, Пензенск. губ.

6) Письмо старшаго врача Тифлисскаго Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича Кадетскаго Корпуса. 10 февраля 1912 г.:

При хроническихъ желудочно-кишечныхъ катаррахъ, сопряженныхъ съ запорами, „Стомоксигенъ" вполнѣ отвѣчаетъ своему назначенію и даетъ прекрасные, положительные результаты. Съ совершеннымъ почтеніемъ д-ръ Н. Я. Розановъ.

„Скажите, докторъ, Ваше лѣченіе благотворно во всякихъ случаяхъ слабаго пищеваренія? — спросилъ я.

„Рѣшительно во всѣхъ. Такимъ же образомъ, какъ оно возстановляетъ жизненность желудка, оно въ одинаковой пропорціи приноситъ пользу и кишкамъ. Влѣдствіе этого обогащается кровь и возстановляется двигательная сила всѣхъ органовъ. Хорошее пищевареніе создаетъ людей сильныхъ, властныхъ и самоувѣренныхъ, оно превращаетъ подавленное расположеніе духа въ веселое и оживленное настроеніе.

7) Священникъ В. Даниловъ пишетъ:

Отъ души благодарю Васъ за цѣлебный препаратъ „Стомоксигенъ". Я страдалъ хроническими запорами болѣе 15 лѣтъ, принималъ всевозможныя средства и не получалъ пользы, теперь же, слава Богу, благодаря пріему „Стомоксигена", чувствую себя хорошо. Желудокъ функціонируетъ вполнѣ правильно, аппетитъ улучшился. Улучшеніе моего здоровья замѣтно даже на лицѣ.

Прихожане всѣ удивляются, такъ какъ считали меня живымъ мертвецомъ. Рекомендую Вашъ препаратъ всѣмъ страдающимъ и еще разъ искренно благодарю за оказанную мнѣ помощь. Священникъ Василій Даниловъ. 6 сентября 1911 г., с. Фуниково, Томской губ., Барнаульская улица.

8) Вотъ случай, который суммируетъ все, что я говорю, въ нѣсколькихъ словахъ.

Письмо доктора И. Бирюкова:

Многоуважаемый Товарищъ!

Жена моя съиздавна, болѣе 10 лѣтъ, страдаетъ атоніей кишекъ съ упорными запорами, метеоризмомъ и постояннымъ чувствомъ давленія въ подложечной области. Метеоризмъ вызывалъ ощущеніе тяжести и напряженія въ брюшной полости, что особенно было мучительно для больной, страдающей кромѣ того частыми и жестокими припадками мигрени.

Примѣнявшіяся до сихъ поръ всевозможныя фармацевтическія средства вначалѣ имѣли обыкновенно хорошее вліяніе, но затѣмъ къ нимъ со стороны организма вырабатывалась привычка; дозировку приходилось повышать, что въ свою очередь часто вызывало непріятныя ощущенія въ животѣ, боли, урчаніе, а иногда и поносы. Вслѣдствіе этого примѣненіе ихъ на нѣкоторое время прекращалось, съ тѣмъ, чтобы вновь развилось прежнее состояніе.

Допуская a priori благотворное вліяніе „Озона" въ смыслѣ ограниченія броженія въ кишечникѣ, а также познакомившись съ благопріятными печатными отзывами о дѣйствіи Вашего препарата „Стомоксигена", я рѣшилъ испробовать его и примѣнить къ своей женѣ. Ежедневными пріемами по 3—4 таблетки въ теченіе первой же недѣли были совершенно урегулированы отправленія желудочно-кишечнаго канала. Пищеварительная способность желудка замѣтно улучшилась; отправленія кишечника наступали ежедневно, были мягки и никакими непріятными ощущеніями не сопровождались. Въ продолженіе 3 недѣль пріемы „Стомоксигена" велись крайне неаккуратно. Благодаря этому иногда наблюдалось задержаніе стула, но не болѣе, какъ на 2—3 дня, и при томъ безъ особо тягостныхъ ощущеній, а главное — безъ явленій метеоризма. Вмѣстѣ съ этимъ не наблюдалось и ни одного приступа мигрени.

Такимъ образомъ подтверждая благотворное вліяніе „Стомоксигена" на отправленія пищеварительнаго тракта, я смѣло могу сказать, что косвеннымъ образомъ мною одновременно найдено и средство для устраненія одной изъ главныхъ и самыхъ частыхъ причинъ развитія у моей жены припадковъ мигрени.

Поэтому приношу Вамъ искреннюю благодарность за доставленный мнѣ „Стомоксигенъ". Съ совершеннымъ почтеніемъ д-ръ И. Бирюковъ. 20 февраля 1912 г., ст. Славянская, Куб. области.

„Возьмите человѣка, переутомившаго всю свою систему тѣмъ или инымъ путемъ до такой степени, что пищеварительные органы совершенно разслаблены, мозгъ туго дѣйствуетъ, всякое самолюбіе утрачено, налицо лишь постоянное угнетенное настроеніе и желаніе бросить все и вся.

Въ этомъ случаѣ жизненная энергія понижена и это служитъ причиной общей слабости. Возстановите эту энергію, и Вы получите помолодѣвшаго человѣка.

Если бы не предубѣжденіе противъ всего новаго, что сначала тормозитъ всякое наилучшее начинаніе, то мои помощники просто не могли бы управиться со всѣми дѣлами, которыя были бы у меня.

Но мой энтузіазмъ неограниченъ. Я знаю, что открылъ хорошую вещь, и я до тѣхъ поръ буду разглашать о ней, пока всѣ о ней узнаютъ".

Передъ уходомъ докторъ еще сообщилъ мнѣ, что въ теченіе многихъ лѣтъ самаго тщательнаго наблюденія онъ не встрѣтилъ ни одного случая, гдѣ бы его средство не произвело удивительныхъ результатовъ. Онъ принялъ мѣры къ тому, чтобы его препаратъ, извѣстный подъ именемъ „Стомоксигенъ", продавался во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ во всей странѣ. Больные могутъ посылать за нимъ въ ближайшую аптеку, онъ продается въ коробкахъ отъ 75 коп. Если бы встрѣтились затрудненія въ полученіи его, то можно написать прямо въ Лабораторію Д-ра А. С. Мейеръ, въ С.-Петербургѣ, Екатерининскій каналъ, 29, и онъ тотчасъ же будетъ высланъ, франко съ указаніями и литературой предмета.

Какимъ образомъ мнѣ удалось въ теченіе мѣсяца увеличить свой бюстъ на шесть дюймовъ.

Послѣ того, какъ я перепробовала съ этой цѣлью пилюли, массажъ, маски и многія другія рекламируемыя средства, не принесшія мнѣ ни малѣйшей пользы.

Простой, легкій методъ, который каждая женщина можетъ примѣнять дома и быстро развить съ его помощью пышный прекрасный бюстъ.

МАРГАРИТЫ МЕРЛЕНЪ.

Мнѣ отлично знакомо, то ужасное чувство полнѣйшаго унынія, угнетенности, которое испытываетъ каждая женщина, обладающая плоской грудью; мнѣ прекрасно извѣстно, что приходится переживать, сознавая, что у тебя лицо женское, а фигура, какъ у мужчины, и не могу выразить словами свою радость, когда я замѣтила, что мой бюстъ увеличился въ объемѣ на шесть дюймовъ: точно камень съ сердца свалился. Я почувствовала себя совершенно другимъ существомъ, ибо, не обладая бюстомъ, я сознавала, что я, въ сущности, ни то ни се: ни мужчина ни женщина, а такъ, нѣчто среднее между ними.

Съ какимъ сожалѣніемъ долженъ каждый мужчина взирать на женщинъ, которыя обладаютъ такой же плоской грудью, какъ и онъ самъ. Развѣ можетъ подобная женщина возбудить въ мужчинѣ такой пылъ и вызвать въ немъ такія чувства, какія въ немъ пробуждаются при видѣ настоящей женщины—существа съ пышной, прекрасной формы грудью. Конечно нѣтъ.

Сохраните эту картинку: Вы увидите, какъ Вашъ собственный бюстъ будетъ подвергаться такимъ же удивительнымъ превращеніямъ.

Всѣ тѣ мужчины, которые тщательно избѣгали меня, всѣ тѣ женщины, которыя не обращали на меня ни малѣйшаго вниманія въ то время, когда я обладала такой ужасно плоской грудью и не имѣла ни малѣйшаго намека на бюстъ—превратились въ моихъ самыхъ пылкихъ поклонниковъ и вѣрныхъ подругъ, вскорѣ послѣ того, какъ мнѣ удалось добиться такого чуднаго развитія бюста. Послѣ этого я рѣшила, что женщины, надѣленныя плоской грудью, должны непремѣнно воспользоваться моимъ случайнымъ открытіемъ и развить себѣ такой же бюстъ, какъ и у меня. Такъ какъ мнѣ самой пришлось довольно пострадать отъ разныхъ шарлатановъ и обманщиковъ, продававшихъ мнѣ всевозможныя пилюли и средства для увеличенія бюста, не принесшія ни малѣйшей пользы, то я считаю долгомъ предостеречь всѣхъ своихъ подругъ по несчастію отъ этихъ маговъ и волшебниковъ, горячо рекомендовать не вѣрить имъ и не давать себя безсовѣстно обирать.

Открытіемъ этого простого метода, посредствомъ котораго мнѣ удалось увеличить свой бюстъ въ теченіе мѣсяца на шесть дюймовъ, я обязана счастливой случайности, посланной мнѣ Провидѣніемъ и, какъ Провидѣніе, смилостивившись надо мной, дало мнѣ въ руки средство для полученія великолѣпнаго бюста, такъ и я чувствую себя обязанной подѣлиться своимъ секретомъ со всѣми женщинами, нуждающимися въ немъ. Приложите 1 семикопеечную марку на отвѣтъ и я немедленно вышлю Вамъ безплатно всѣ подробности.

Я навѣрное ручаюсь, что каждая женщина можетъ въ мѣсячный срокъ поразительно увеличить свой бюстъ, и что способъ этотъ можетъ примѣняться совершенно секретно дома, такъ что никто этого не будетъ и подозрѣвать. Адресовать слѣдуетъ: Компаніи **ВЕНУСЪ КАРНИСЪ.** (Отд. 107 В), Маросейка, № 13, кв. 51, Москва.

БЕЗПЛАТНЫЙ ТАЛОНЪ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЬНИЦЪ.

Дающій право лицамъ, приславшимъ таковой на полученіе подробныхъ свѣдѣній относительно поразительнаго средства для увеличенія бюста и приданія ему красивой формы. Вырѣжьте этотъ талонъ, проставьте на немъ Ваше имя, отчество, фамилію и адресъ и, приложивъ одну семикопеечную марку на отвѣтъ, отправьте сегодня же по слѣдующему адресу: Компанія **Венусъ-Карнисъ** (Отд. 107 В), Маросейка, № 13, кв. 51.

Имя, отчество и фамилія ....

Точный адресъ: ....

Примѣчаніе: Всѣ дамы, желающія обладать пышнымъ, красивымъ бюстомъ, могутъ смѣло заполнить этотъ талонъ сейчасъ же, ибо онъ заключаетъ въ себѣ серьезное, основательное предложеніе, безплатное для всѣхъ, которыя воспользуются вышеприведеннымъ даровымъ талономъ. Особъ, опасающихся, что ихъ бюсты примутъ слишкомъ большіе объемы, просятъ принять къ свѣдѣнію, что примѣненіе метода слѣдуетъ прервать тотчасъ же, какъ только будетъ достигнуто желаемое развитіе груди. 37968

Даровой рецептъ, который очень цѣненъ.

Дама пишетъ: Я должна подтвердить все, что до сихъ поръ слышала объ этомъ. Если бы вы страдали невральгіей и нефритомъ, какъ я, то были бы также благодарны за это указаніе. Я вырѣзала изъ газеты этотъ рецептъ и какъ только приняла это средство, сейчасъ же почувствовала облегченіе отъ моихъ хроническихъ страданій. Рецептъ можетъ быть полученъ въ любой аптекѣ или аптекарскомъ складѣ. Спросите 60 гранъ Кефалдола-Сторъ въ таблеткахъ. Немедленное облегченіе получается по принятіи первыхъ двухъ таблетокъ, а затѣмъ нужно принимать каждый часъ по одной таблеткѣ до окончательнаго избавленія отъ болей, будь онѣ нервнаго или ревматическаго происхожденія. Средство совершенно безвредное, успѣхъ безусловно гарантированъ. 37995

Состоящее подъ августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Θеодоровны

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО ИМПЕРАТОРСКАГО ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВАГО ОБЩЕСТВА

для сбора пожертвованій на ремесленное образованіе бѣдныхъ дѣтей

ПРОСИТЪ всѣхъ жертвовать **НЕНУЖНЫЯ ВЕЩИ** обременяющія всякое **ХОЗЯЙСТВО**

Тел. 13-60.

СОБИРАЕТЪ ТОЛЬКО ТО, ЧТО НИКОМУ НЕ НУЖНО.

Проситъ ничего не сжигать и ничего не бросать въ мусорныя ямы, все будетъ принято съ благодарностью.

По каждому требованію присылаетъ артельщика, который обязанъ жертвователю выдавать квитанцію, какъ бы мало пожертвованіе не было.

Тарасовъ пер., 26-а.

Просимъ требовать **Бенедиктинъ Прохладный**

BÉNÉDICTINE

Exiger la Bénédictine toujours glacée.
Verlangt Bénédictine stets gekühlt.

ГИТАРЫ СЪ 3-хЪ ГРАННЫМЪ ГРИФОМЪ

весьма удобны для игры, такъ какъ 3-хъ-гран. грифъ гораздо уже плоскаго грифа, хотя подструнная поверхность его (состоящая изъ 2 плоскостей) на много шире подструнной поверхности плоскаго грифа и потому 3-хъ-грани. грифъ очень легко обхватывать лѣвою рукою и получать весьма чистые аккорды. Кромѣ того, на гитарѣ съ 3-хъ-грани. грифомъ можно настраивать въ унисонъ по 2 струны рядомъ (какъ на мандолинѣ), которыя при игрѣ удобно брать каждымъ пальцемъ по 2 сразу. Имѣются гитары съ новою оригинальною формою деки. **Гарантія** за исправную службу нашихъ гитаръ отъ 2 до 5 лѣтъ. **Цѣны недорогія.** Подробныя свѣдѣнія высылаются по первому требованію. Адресъ: **СПБ., Забалканскій пр., 28, кв. 25.** 37966

БОЛЬНЫЕ ЛЕГКИМИ.

Легочныя болѣзни излѣчимы **наборомъ Пульмана.** Незамѣнимъ при чахоткѣ, астмѣ, хроническомъ катаррѣ гортани, застарѣломъ кашлѣ, хронической охриплости и т. п. Тысячи одобрительныхъ отзывовъ врачей и паціентовъ. 1 ф. 20 зол. набора хват. на 1 мѣсяцъ и стоитъ съ пересылкой 3 руб. 85 коп., 2 ф. 7 р. 20 к. Просятъ прислать заранѣе стоимость заказа или задатокъ. Настоящій наборъ Пульмана въ оригинальной упаковкѣ высылается лишь главнымъ представителемъ Г. Сете, Рига, 847, Александровская, 13-4. Безъ упаковки наборъ нигдѣ не продается. **Требуйте безплатную брошюру въ въ 64 стр. д-ра мед. Гутмана.** 37962

УДЕШЕВЛЕННО

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ГЮИ-ДЕ-МОПАССАНА

Новое изд. въ переводѣ Θ. Булгакова и друг. лучшихъ переводчиковъ, съ портр. и біографіей, 15 томовъ, 4470 стран., вмѣсто 8 руб. за 4 руб., въ роскошныхъ золочен. коленкоровыхъ переплетахъ 6 руб. (Цѣна безъ пересылки).

Высыл. съ налож. платеж. Нужны агенты для распространенія.

Кромѣ того лучшіе книги удешевленно продаются и высыл. налож. платеж. **10 романовъ интересн. пикантн. содержанія** извѣстн. французск. писателей: **Вилли, Формонъ Соссей** и друг., 10 т., 1800 стр., вмѣсто 10 руб. за 2 р. 50 к. **Практическій курсъ бухгалтеріи** для самообразованія. Сост. Усовъ. 1912 г., 573 стр. за 1 р. 75 к. **Форель, А. Половой вопросъ,** 2 т., 570 стр. съ рисунк. за 1 руб. **Заклинанія или магія слова,** соч. Седиръ, съ рисунк., вмѣсто 1 р. 50 к. за 70 коп **Первоначальныя свѣдѣнія по оккультизму,** соч. Папюса, 297 стр., вмѣсто 3 р. за 1 р. 50 к. **Дж. Боккаччіо Декамеронъ,** 560 стр., съ рисунк. франц. художн. за 1 р. 80 к. **Энциклопедическій словарь А. Чудинова,** 2000 столбцовъ=1000 стр., въ изящн. коленкор. перепл. за 2 р. 40 к. **Вселенная и человѣчество,** природа и ея силы на службѣ человѣка, Г. Кремера, 3 т. въ одной огромной книгѣ, 1560 стр., съ 860 рисунками, вмѣсто 6 р. за 2 р.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ:

Марка Твена, 28 т.—6 р., **Гюи-де-Мопассана,** 15 т., 4470 стр.—4 р., въ изящн. золочен. перепл.—6 р., **В. Г. Бѣлинскаго,** 4 т.—2 р. 90 к. **Фр. Шпильгагена,** 16 т.—6 р. 50 к., **А. Пушкина,** въ 1 т., съ рисунк.—1 р. 35 к., **Л. Буссенара,** 40 т.—5 р. 50 к., **Всев. Соловьева,** 10 т.—8 руб., **Всевол. Крестовскаго,** 8 т.—9 руб. и другихъ русск. и иностр. писателей.

На выгодныхъ условіяхъ пополняю библіотеки.

Условія высыл. по первому требованію.

Вышелъ новый каталогъ книгъ.

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ

И. Ф. КОСЦОВА,

С.-Петербургъ, Литейный просп., 28-а. 37991

26-й годъ. Основан. въ 1886 году, разрѣшенные Начальствомъ 26-й годъ.

КУРСЫ и БЮРО БУХГАЛТЕРІИ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ,

преподавателя бухгалтеріи московскаго учительскаго института.

МОСКВА, Тверская ул., уголъ Леонтьевскаго пер., д. № 33, бывш. Полякова.

10-го ЯНВАРЯ НАЧАЛО ОБЩАГО КУРСА. Программы высылаются безплатно.

БУХГАЛТЕРІЯ ТОРГОВАЯ, БАНКОВАЯ, ФАБРИЧНАЯ, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВ., ВИННОЙ МОНОПОЛІИ, ГОРОДСКИХЪ И ЗЕМСКИХЪ УПРАВЪ. ИСПРАВЛЕНІЕ ПОЧЕРКА.

Въ текущемъ учебномъ году на курсахъ В. А. ХАГЕЛЬСТРЕМЪ обучалось 486 человѣкъ, всего же за 25 лѣтъ—свыше 7,750 человѣкъ.

НА КУРСЫ ПРИНИМАЮТСЯ ЛИЦА ОБОЕГО ПОЛА, ВСЯКАГО ВОЗРАСТА и ОБРАЗОВАНІЯ.

37935 5-2 **ЯНВАРСКІЙ КУРСЪ ОСОБЕННО УДОБЕНЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

на большую политическую газету

УТРО РОССІИ

IV годъ изданія. IV годъ изданія.

Въ 1913 году газета „Утро Россіи" будетъ издаваться въ томъ же направленіи, при томъ же составѣ сотрудниковъ и редакціи.

Въ 1912 г. на страницахъ „Утра Россіи" были напечатаны произведенія слѣдующихъ авторовъ:

Александра Амфитеатрова, Леонида Андреева, Т. Ардова, М. Багриновскаго, Г. Н. Брауна, проф. Р. Брандта, А. Н. Брянчанинова, проф. Л. Е. Владимірова, М. В. Грулева, П. Гнѣдича, Гаррисъ, Homo Novus'a, С. Глаголя, В. Е. Ермилова, А. Койранскаго, проф. Г. Э. Конюса, проф. Ѳ. Е. Корша, С. Кречетова, Петра Кожевникова, проф. Г. А. Кожевникова, проф. Н. Д. Кузнецова, проф. Н. М. Кулагина, Н. Лопатина, Н. А. Маркса, А. Мертваго, Н. М. Минскаго, Д. Моора (каррикатуристъ), И. Новикова, П. Нилуса, Н. Оскольскаго, проф. І. М. Покровскаго, М. М. Попелло-Давыдова, Ѳ. Сологуба, В. Ѳ. Тотоміанца, С. И. Четверикова, Финансиста, С. Юшкевича, Эмте и мн. друг. 37733 5-4

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой на 1 годъ — 8 руб., на ½ г. — 4 руб., на 3 мѣсяца — 2 руб., на мѣсяцъ — 75 коп.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 руб., къ 1 апр. 3 руб., къ 1 іюля 2 руб. или по 1 руб. въ мѣсяцъ.

Подписныя деньги адресовать: Москва, Страстной бульваръ, д. П. П. Рябушинскаго, конторѣ газ. „Утро Россіи".

37962 ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ 2-1

„СТЕНОГРАФЪ-ПРАКТИКЪ"

Подробн. проспектъ выс. безплатно. С.-Петербургъ, Невскій, 106.

ДУХИ ГЕЛЬДИ

Модный запахъ

=LA FEUILLERAIE=

37722 20-7

ПАВЕЛЪ БУРЕ

ПОСТАВЩИКЪ ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Ст. ПЕТЕРБУРГЪ: НЕВСКІЙ ПР. 23 | МОСКВА: КУЗНЕЦК. М. УГ. НЕГЛИНН.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ № 106 БЕЗПЛАТНО.

ПРИ ИНФЛУЭНЦѢ, ГРИППѢ, КОКЛЮШѢ

И ДРУГИХЪ ИНФЕКЦІОННЫХЪ БОЛѢЗНЯХЪ

ГВАЯКОЗА

ЯВЛЯЕТСЯ НЕЗАМѢНИМЫМЪ СРЕДСТВОМЪ: ОНА УСТРАНЯЕТЪ БОЛѢЗНЕННЫЕ ПРИСТУПЫ КАШЛЯ, ОБЛЕГЧАЕТЪ ОТХАРКИВАНІЯ, ПОВЫШАЕТЪ АППЕТИТЪ И ПОДНИМАЕТЪ СИЛЫ.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ и АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІЯ

общедост. ЗАОЧНЫЕ самообраз. ПРОГР: 2-ая итальян. и америк. **БУХГАЛТЕРІЯ** коммерч. ариѳметика, комм. корреспонд., комм. географ., товаровѣд., словарь комм. словъ, курс правописанія, каллигр., конт. скороп., исправл. почерка. АТТЕСТАТЪ БУХГАЛТЕРА. Отзывы изв. спец. благод. письма. Льготн. услов. Прогр. пробн. лекц. выс. БЕЗПЛАТНО Книг. „Круг. Самообр“, Спб., Невскій 92-11

37039 (13)

НОТЫ

больш. форм. отъ **7 к.** **МУЗ**ык. инструм. дешевле всѣхъ, каталоги нотъ и муз. инструм. БЕЗПЛАТНО.

37990 Москва, Петровск. ворот. д. Трындиной, магаз. **СТАКЛИНСКАГО.**

ДИКТИР

—Аппаратъ даетъ возможность не диктовать больше писемъ машинисткѣ или писцу. Достаточ. непосред. диктовать въ трубку аппарата и письмо **УЖЕ САМО ЗАПИСЫВАЕТСЯ.** Машинисткѣ остается только выполнить корреспонд. Громад. экономія времени и энергіи. Аппаратъ необход. всѣмъ торг., промышл. учрежд. контор., банкамъ, редакц. и т. д. Адвокаты записываютъ свои рѣчи, артисты сохраняютъ свои лучшіе №№. Въ семьѣ аппаратъ доставляетъ громад. наслажд., запечатлѣвая навсегда интересн. разговоръ, пѣніе, смѣхъ, декламацію и т. д. Въ аппар. „ОМЕГА“ можно говорить по телефону. Диктиръ — аппаратъ замѣняетъ стенографію. **ПО ЦѢНѢ ДОСТУПЕНЪ ВСѢМЪ.** Требуйте безплатно иллюстр. каталог. откр. письм. 4 к. **Адресъ: Германія, Berlin Schöneberg „Allgemeiner Export“** № 14

„KURJER POLSKI“ na rok 1913-y

Pismo społeczne i polityczne, wychodzi codziennie, nie wyłączając świąt pod redakcją **Ludwika Straszewicza.**

Cena: **cztery** ruble rocznie, **jeden** rubel kwartalnie, dla wszystkich, którzy prenumerują **„Kurjera Polskiego“** bezpośrednio—w kantorze pisma, lub przesyłają pieniądze przekazem.

Dla osób prenumerujących **Kurjera** za czyimkolwiek pośrednictwem (księgarzy, biur pocztowych i t. d.) **„Kurjer Polski“** kosztuje: rocznie **rubli 4 kop. 60;** półrocznie **rubli 2 kop. 30,** kwartalnie **1 rubel kop. 15.**

„Kurjer Polski“ pomimo tak niskiej ceny zawiera też samą treść, co dzienniki duże i drogie. Więc: artykuły wstępne najrozmaitszej treści. Wiadomosci z całego świata. Informacje naukowe i życiowe. Telegramy i **t. d.**

„Kurjer Polski“ co tydzień dodaje bezpłatnie wszystkim prenumeratorom, ilustrowany

„TYDZIEŃ POLSKI“

w którym mieszczą się interesujące artykuliki naukowe, historyczne, powieści, nowele, rozmaitości, fraszki, szarady, zadania i t. d.

Warszawa, Ś-to Krzyska N-ry 34 lub 36.

37861 3-2

БЕЗЪ СВИДѢТЕЛЬСТВЪ

ВЫСЫЛАЕМЪ ПУГАЧИ-БРАУНИНГИ.

Вамъ не страшны воры, грабители, хулиганы, если при Васъ ПУГАЧЪ-БРАУНИНГЪ. По размѣрамъ и формѣ это точная копія настоящаго браунинга, благодаря чему одинъ видъ его обратитъ злоумышленника въ бѣгство. Стрѣляетъ оглушительно холостыми револьверными патронами. Весь изъ металла, вороненъ или никкелированъ. Очень изященъ. Цѣна съ коробкой патроновъ, пересылкой и упаковкой наложеннымъ платежомъ 3 р. 75 к.

Оружейный магазинъ А. В. Тарнопольскаго.

37065 **МОСКВА**, Большая Лубянка, № 9. 4-1

Профессоръ МЕЧНИКОВЪ говоритъ:

„Спѣлый бананъ самый здоровый и полезный изъ существующихъ фруктовъ. Плотная, непроницаемая для воздуха, корка банана есть самая надежная защита противъ бактерій“.

Для здоровья необходимо ежедневно нѣсколько

Ямайскихъ бананъ.

Оптомъ:
1) СПБ., Екатерининск. кан., 34. Тел. 134-41.
2) Москва, Лубян. проѣздъ, 15. Тел. 310-47.
3) Рига, Мал. Песочная, 7 — 9. Тел. 64-57.

Адресъ для телеграммъ: „Бананасъ“.

37434 4-4

600 ПРЕДМЕТОВЪ

вмѣсто 25 руб. за **2 руб. и 90 к.**

Для ознакомленія съ нашей фирмой мы высылаемъ только читат. этого журн. 600 полезн. и цѣнныхъ предм., изъ нихъ главн.: изящн. карм. часы-анкеръ съ 10 лѣтн. гарантій, золотая дуб-цѣпочка, мужск. и дамск. дубле-золотыя кольца съ америк. бриллiант., такія же: колье, брошь и серьги (не отлич. отъ стоящ. 200 р.), отличн. кож. портмонэ, несессеръ и еще болѣе 500 интересн. и полезн. предм. За всѣ 600 предм. взимаемъ лишь 2 р. 90 к. (часы въ отд. стоятъ 6 р.). За перес. съ налож. плат. отъ 1 до 3 гарнитуръ въ одной посылкѣ присч. 55 к., въ Сибирь 95 к. Непопр. прин. обратно и возвращ. деньги.

О-во „Меркурій“, Лодзь, А. 40. 37938 4-1

БОЛЬНЫМЪ

Больныхъ, пользующихся Сперминомъ-Пеля, стараются обмануть посредствомъ широковѣщательныхъ рекламъ о жидкостяхъ изъ сѣмянныхъ железъ, причемъ въ этихъ рекламахъ самымъ беззастѣнчивѣйшимъ образомъ искажаютъ факты и ссылаются на имена и труды иностранныхъ ученыхъ, которые никогда и не видали этихъ препаратовъ. Мы считаемъ своимъ долгомъ предостеречь больныхъ отъ этихъ вытяжекъ, такъ какъ онѣ, не имѣя ничего общаго со Сперминомъ-Пеля, часто содержатъ вредныя для здоровья вещества.

При неврастеніи, половомъ безсиліи, старческой дряхлости, истеріи, невралгіяхъ, малокровіи, чахоткѣ, сифилисѣ, послѣдствіяхъ ртутнаго леченія, сердечныхъ заболѣваніяхъ (ожирѣніи, склерозѣ сердца, сердцебіеніяхъ, перебоѣ, міокардитѣ), артеріосклерозѣ, алкоголизмѣ, спинной сухоткѣ, параличахъ, слабости послѣ перенесенныхъ болѣзней, переутомленіи и проч., только Сперминомъ-Пеля достигнуты тѣ блестящіе результаты, о которыхъ свидѣтельствуютъ наблюденія извѣстнѣйшихъ ученыхъ и врачей всего міра.

Слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ** и отказываться отъ всѣхъ вытяжекъ и жидкостей съ разными названіями, о негодности которыхъ издана особая брошюра, которая высылается безвозмездно съ новѣйшей литературой о Сперминѣ.

Перминъ-Пеля имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Органотерапевтическій Институтъ

Профессоръ Д-ръ Пель и С-ья

Поставщики Двора Его Императорск. Величества

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

37691 3-3

БѢЛАЯ ЯПОНСКАЯ СИРЕНЬ

Т-ва

А. М. ОСТРОУМОВА

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ.

37910 5-3

НОВОСТЬ! МИРТЫ (LES MYRTES)

О-ДЕ-КОЛОНЪ ДУХИ И МЫЛО

А. СІУ и К°.

БЕЗПОДОБНЫЙ ЗАПАХЪ.

37968 3-2

ВЫПИСЫВАЙТЕ
УДОБРЕНІЕ ЗЕМЛИ
изъ парового фосфоритн. завода **М. ВАСИЛЬЕВА.**
ст. Сѣщинская, Риго-Орловск. жел. дороги.
Прейсъ-куранты высыл. БЕЗПЛАТНО.
Удобреніе одной десятины съ провозомъ до 1000 верстъ стоитъ 10 руб. Повышается урожай ежегодно до 80 пудовъ съ десятины и дѣйствуетъ на 3 года.

37972 4-1

МАРІЕНБАДСКІЯ ТАБЛЕТКИ ПРЕВОСХОДЯТЪ ЦѢЛЕСООБРАЗНОЮ ДОЗИРОВКОЙ ВСѢ РЕКОМЕНДУЕМЫЯ ДЛЯ ПОДОБНЫХЪ ЦѢЛЕЙ ПРЕПАРАТЫ.

37964

ИЗОБРѢТЕНІЯ

финансирую, патентирую съ гарант. Уполномоч. Международ. союза патентныхъ Бюро — **К. Гранденбергъ, Варшава,** Волчья, № 68.

37869 3-3

ПОЧТОВЫЯ МАРКИ

20.000 разныхъ марокъ, съ гарантіей за подлинность, высылаю по требованію коллекціонерамъ, со скидкой 40—60%. А. Вейсъ. Вѣна (Австрія). I. Адлергассе, 8.

37469 12-11

ПИШУЩІЯ МАШИНЫ
СЛУЧАЙНЫЯ
УНДЕРВУДЪ, Р. МИНГТОНЪ и друг.
первокласси. системъ,
стоившія 275—300 руб.,
ЗА БЕЗЦѢНОКЪ
(отъ 35 руб.).
37971 2-1
Важно для торговцевъ.
Каталогъ немедленно.
Т-во „Пишущая машина".
С.-Петербургъ,
Екатерининскій кан., № 52/1.

фото-
графическіе аппараты
продаются
ВЪ РАЗСРОЧКУ
въ Т./Д.
ЛОРЕНЦЪ и К°.
Москва, Мясницкая, д. Сытова № 22/42. Краткій прейсъ-курантъ и условія разсрочки — безпл.; полный (107 стр.) за 14 к. марк.

37877 3-3

КАКИМЪ ОБРАЗОМЪ
можно получить
КРАСИВУЮ ГРУДЬ.

Красивая грудь, гармонически развитая, составляетъ драгоцѣнное украшеніе женщины и служитъ въ то же время признакомъ прекраснаго, здороваго тѣлосложенія.

Тѣ, которымъ въ этомъ отношеніи природа неблагопріятствовала, могутъ улучшить свою фигуру съ помощью **Пилюль Марборъ** (Pilules Marbor), укрѣпляющаго средства, съ успѣхомъ употребляемаго для этой цѣли парижанками и дамами всего свѣта. Эти пилюли вообще благотворно дѣйствуютъ на здоровье и являются превосходнымъ средствомъ для развитія, укрѣпленія и возстановленія грудей у женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Благодаря ихъ животворному дѣйствію, кровообращеніе и составъ крови въ области груди улучшаются, вслѣдствіе чего грудь развивается естественнымъ путемъ и ткань пріобрѣтаетъ упругость. Въ то же время впадины и выступы костей исчезаютъ и общій видъ груди принимаетъ гармоническую пропорціональность; никакіе наружные препараты никогда не смогутъ дать подобные результаты.

Пилюли Марборъ полезны и молодымъ дѣвушкамъ и дамамъ, грудь которыхъ недостаточно развита или же впала вслѣдствіе переутомленія или болѣзни. Вообще же достаточно двухъ мѣсяцевъ для полученія благопріятныхъ результатовъ на долгое время.

37582 (2)

Цѣна коробки съ указаніями 3 р. 50 к., пересылка безплатно.

PRODUITS MARBOR, 5, Passage Verdeau, Парижъ.

Въ С.-Петербургѣ обращаться: Аптекарскій складъ В. Бюлеръ, Невскій, 49; въ Москвѣ: аптека Брунсъ, Маросейка; въ Кіевѣ: апт. Юротатъ; въ Вильнѣ и Одессѣ: торг. домъ Б. Сегаль и Комп.; въ Варшавѣ: апт. Шписъ и сынъ.

АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ — **2 р.** въ мѣсяцъ.

въ 15 томахъ по 250 стр.

Цѣль „Академіи Коммерческихъ Знаній"—дать возможность всѣмъ желающимъ, безъ различія возраста, предварительной подготовки, матеріальнаго и служебнаго положенія, въ самый короткій срокъ и съ наименьшей затратой труда и времени пріобрѣсти тѣ познанія, которыя необходимы современному коммерческому дѣятелю. Въ составъ курса „Академіи Коммерческихъ Знаній" входятъ слѣдующія науки: Бухгалтерія, Коммерческая ариѳметика, Коммерческая корреспонденція, Экономическая географія, Товаровѣдѣніе, Банковое дѣло, Биржа и денежное обращеніе (съ предисловіемъ проф. Мигулина), Техника веденія торговыхъ и промышл. предпріятій, Политическая экономія, История хозяйственнаго быта. Статистика, Ученіе о коопераціи, Экономія торговли, Экономія промышленности, Наука о финансахъ, Теорія права, Гражданское право, Торговое право и процессъ.

Вышелъ 1-ый выпускъ. Высылается нал. пл. за 2 р. 20 к.

ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ.

25 выпусковъ по 1 р. 50 к.

Для заочнаго прохожденія курса средн. учебн. заведеній, для подготовки къ любому экзамену безъ помощи учителей и пособій.

Вышло 23 выпуска. Высыл. съ нал. плат. по 1 р. 50 к.

АКАДЕМІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Новая оригинальн. система, дающая возможность легко и основательно безъ помощи учителя пройти курсъ **французскаго, нѣмецкаго и англійскаго** языка. Курсъ каждаго языка состоитъ изъ 10 томовъ. Цѣна за кажд. томъ 1 р. Вышло по 6 том. кажд. языка. Высыл. нал. пл. по 1 р. 20 к.

Въ нашихъ изданіяхъ принимаютъ участіе: прив.-доц. **Гавриловичъ**, преп. СПБ. Полит. Инст. **Пернэ**, проф. **Рейснеръ, проф. Святловскій**, прив.-доц. **Тотоміанцъ**, препод. Высш. Коммерч. Курс. **Чернышевъ**, д-ръ соц. наукъ **Шлецеръ** и мн. др. препод. высш. и средн. учебн. зав. СПБ.

Подробные проспекты вышеупомян. изданій, отзывы печати и учениковъ высыл. безплатно.

37983

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО **„БЛАГО"**, С.-Петербургъ, Невскій пр., 88.

200 рублей

въ мѣсяцъ можетъ зарабатывать каждый, не бросая своего обыкновеннаго занятія, принявъ наше агентство. Капитала не требуется, занятіе приличное. Объясненія высылаемъ безплатно. (1)
37989
Адресовать: Варшава, Центральная, 557.

ХОРОШІЙ ПОДАРОКЪ
КЪ ПРАЗДНИКУ

Л. Н. Толстой „ПЬЕСЫ“

Подъ редакціей П. А. Сергѣенко.

Изданіе содержитъ въ себѣ болѣе 100 художественныхъ иллюстрацій, цѣна въ изящномъ переплетѣ 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ
„Сотрудникъ Школъ“
А. К. Залѣсской.

37852 МОСКВА, 3-3
Воздвиженка, д. Армандъ, № 13.

КАКЪ ВЫЛѢЧИТЬ РЕВМАТИЗМЪ?

(Средство, дающее облегченіе въ 2-3 дня).

Страдающіе ревматизмомъ уже давно ищутъ средство, которое разъ навсегда облегчило бы ихъ страданія и избавило бы ихъ отъ этого недуга. Такое средство легко теперь достать. Оно извѣстно подъ названіемъ „Трейзеръ“ и его можно достать почти во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ, въ особенности у Русскаго О-ва Торгов. Аптекарск. Товар. С.-Петербургъ, Казанская ул., № 12. Чекушкинъ и Ко, СПБ., Садовая ул., № 38 и другихъ видныхъ аптекарскихъ магазинахъ по 2 руб. 50 коп. за флаконъ, содержащій 50 таблетокъ каждый, или 5 такихъ флаконовъ, составляющихъ полный курсъ, за 10 руб. 50 коп. Мы не знаемъ другого средства, которое излѣчило бы столько страдающихъ, какъ это чудесное средство.

Ревматизмъ и подагра въ начальной или застарѣлой формѣ всегда поддаются вліянію этого средства, какъ фактъ въ 95 случаяхъ со ста облегченіе замѣчается уже при 2 дневномъ пользованіи, и при продолжительномъ употребленіи и полное излѣченіе отъ недуга. Весьма понятно, что только такое средство, которое дѣйствительно излѣчиваетъ, можетъ дать подобные результаты, лучшаго доказательства цѣлебности этого препарата и быть не можетъ; мы поэтому съ полною увѣренностью совѣтуемъ каждому страдающему ревматизмомъ или подагрой, и вообще происходящими отъ нихъ заболѣваніями немедленно достать себѣ это превосходное средство, такъ какъ, слѣдуя этому совѣту, всякій страдающій имѣетъ возможность навѣрное получить скорое облегченіе своихъ страданій.
379?5 *(„Медицинскія Замѣтки“).*

Излюбленные Модные Духи
ДИВИНІЯ
37813 (Divinia) 8-9

Ф. Вольфъ и Сынъ.

ПОСТАВЩИКИ ДВОРА
Карлсруэ, Берлинъ и Вѣна.
Получить можно во всѣхъ аптекахъ, парфюмеріяхъ и тому подобныхъ магазинахъ.

НЕ КУРИ!

Желающимъ бросить курить высылается безплатно проспектъ, указывающій путь, какъ избавиться отъ этой вредной привычки. Москва, Бутырки, Сергіевскій пер., домъ № 9, кв. 4
П. КОМИСАРЕНКО.

Изъ Берлина высылаемъ

безпл. нашъ каталогъ на русск. яз. № 25 граммофон. Ваттъ.
Цѣны баснослов. деш.
Адресъ: Германскій Экспортъ Deutscher Export Берлинъ, 68 (Германія).
Требуйте немедл. на откр. за 4 к.
37840 8-8

ПОКА НЕ ПОЗДНО,

потребуйте 1 безплатн. экземпляръ „Спутникъ больного и здороваго человѣка“. — Общедоступное руководство къ предупрежденію болѣзней, **ИХЪ ЛѢЧЕНІЮ** и сохраненію здоровья“.
Безплатно будутъ высланы только первые 1.000 экземпляровъ.
Съ требованіями обратиться:
Т-во ГАНИМЕДЪ,
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
(8) Коммерческій № 10—5. 37666

СОВѢТЫ ПРАКТИЧЕСКАГО ВРАЧА.
ИНФЛЮЭНЦА И ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫЙ КАНАЛЪ. Не слѣдуетъ забывать, что при инфлюэнцѣ органы пищеваренія очень легко могутъ подвергаться заболѣванію, какъ въ легкомъ, такъ и въ тяжеломъ случаѣ всегда удается обнаружить какое-нибудь разстройство пищеварительнаго аппарата. При лѣченіи этого рода разстройства съ полнымъ успѣхомъ можно примѣнить *CASCARINE LEPRINCE* (Каскаринъ Лепрэнсъ), который побуждаетъ дѣятельность железъ органовъ пищеваренія, обеззараживаетъ кишки, возбуждаетъ аппетитъ и пр. *CASCARINE LEPRINCE* (Каскаринъ Лепрэнсъ) должно считать однимъ изъ лучшихъ средствъ не только при легкихъ, но и при тяжелыхъ формахъ кишечныхъ разстройствъ, вызванныхъ инфлюэнцой.
D-r BERNARD.
37976

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ 1912 г.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ КЪ ИМЕНИНАМЪ И ПРАЗДНИКАМЪ

ЯПОНСКІЙ МАССИВНЫЙ ЖЕМЧУГЪ

рѣдкостной красоты, замѣчательно прочный, небьющійся, имѣетъ чудный блескъ, цвѣтъ, вѣсъ и всѣ преимущества настоящаго.

Необходимъ каждой дамѣ, какъ роскошное украшеніе и дополненіе туалета.

Незамѣнимъ въ особенности къ открытымъ платьямъ.

Имѣется всѣхъ оттѣнковъ: бѣлый, желтоватый и розоватый

Цѣна за колье любого оттѣнка съ замкомъ „Дубле“ 8 руб., съ золот. замкомъ 56 пр. 10 руб.
37806 4-3

Требованія адресовать: С.-Петербургъ, Литейный, 45.—В. ювелиру
С. М. ВОЛОСЪ.
(Фирма существуетъ съ 1873 г.).
Высылаются немедленно по первому требованію наложеннымъ платеж., безъ задатка. Пересылка и упаковка въ Евр. Россіи за счетъ фирмы.
Иллюстрированный каталогъ высылается по требованію безплатно.

ФОТО

графич. снимки съ натуры парижск. жанра для мужчинъ любит. интересн. каталоги и 28 образцовъ высыл. въ закр. заказн. пакетѣ за 90 коп., можно марк.; нал. плат. на 15 к. дороже. Адр.: Варшава, М. Липштейнъ. 1-ое отд. 27845 4-5

Агенты на 1913 годъ

37656 4-2
нужны для продажи картинъ; разрѣш. Мин. Имп. Дв. къ юбилею Дома Романовыхъ. Образецъ картины 75 коп. налож. плат.
В. К. ГЕНИГЕРЪ, Варшава, Долгая, 5.

Принимается подписка на 1913 годъ
СВѢТЪ

ежедневная, независимая, самая дешевая и распространенная русская газета. Изданіе Т-ва „СВѢТЪ“.
Въ 1913 г. „Свѣтъ“ выходитъ въ значительно увеличенномъ объемѣ.
37943 3-2
Газета основ. В. В. Комаровымъ.
Подписная цѣна съ пересылкою или доставкою

4 р.	2 р.	1 р.
ГОДЪ.	ПОЛГОДА.	ТРИ МѢСЯЦА.
Съ 1 января по 31 декабря	Съ 1 января или съ 1 іюля	Съ 1 янв., 1 апр. съ 1 іюля, 1 окт.

адресовать: СПБургъ, Невскій пр., 136.

ДЛЯ ОХОТЫ и СПОРТА

имѣются въ большомъ выборѣ: бурки, полушубки, поддёвки, валенки, фуфайки и т. п. теплыя принадлежности. Лыжи, коньки и проч. принадлежности для спорта. 37961

И. И. Чижовъ,

Литейный пр., № 64, уголъ Невскаго, СПБ.
Прейсъ-курантъ высылается безплатно.

Спасайтесь отъ ГРЫЖИ

Бросьте негодные и калѣчащіе васъ бандажи стар. сист. Примѣните усовер. анатомическо-пневматическій бандажъ безъ пружинъ констр. д-ра МАРКОНИ и вы избавитесь отъ мучит. страданій. Выс. нал. пл. 5 р., двухст. 9 р. 50 к. Высш. кач. 7р.; дв. 12 р. 50 к. Указать сторону и длину пояса отъ больного паха до этого мѣста круг.: для двухст. отъ одного паха до другого. Паховая или мошон.
С.-Петербургъ, Пушкинская, № 11, кв. 8.
отд. 20. ЗЕМСКЕРУ. 36998 (13)

МНОГО ДЕНЕГЪ ЗАРАБАТЫВАТЬ

можетъ каждый, научивш. заочно или на практикѣ варить мыло разн. сортовъ по новому и очень выгодному способу за очень умѣренную плату. Обученіе по моему способу очень легко, понятно и доступно каждому. Отъ учениковъ имѣю массу благодарностей. Требуйте условія обученія по адресу: Ст. Аргаяшъ, Пермск. ж. д. Мыловару И. Е. Глухову. :7960

ПИЩА „АЛЛЕНБЭРИСЪ.“

Лабораторіи Allen & Hanburys, Ltd., London.
При искусственномъ вскармливаніи грудныхъ дѣтей ЕДИНСТВЕННАЯ, вполнѣ замѣняющая материнское молоко СЪ ПЕРВАГО ДНЯ РОЖДЕНІЯ РЕБЕНКА.
Брошюры высылаются безплатно главн. представителемъ для Россіи М. М. Селитреннымъ, Москва, поч. ящ. 399. Продажа во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
36782 34-36

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на VI годъ изд. научно-технич. двухнед. журн. посвященный исключительн. всѣмъ видамъ механич. двиг.

„ДВИГАТЕЛЬ“

8 р. въ годъ съ дост.
4 р. полгода съ дост.

РЕДАКЦІЯ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный, 36.
37977 Подписка во всѣхъ книжн. маг. и почтов. конторахъ.

Сохраняйте вашу красоту и молодость

посредствомъ аппаратика „АФРО“ системы Д-ра Гарлана, разр. Варш. врач. упр. за № 10261. Ни одна дама, обладающая этимъ геніальнымъ изобрѣтеніемъ, не должна бояться прыщей, угрей, морщинъ и т. п. недостатковъ кожи. При помощи аппаратика „АФРО“ прыщи пропадаютъ въ большинствѣ случаевъ черезъ 60 секундъ, угри черезъ нѣсколько дней. Провалы на щекахъ заполняются, руки, шея округляются, морщины и складки на лбу, подъ глазами совершенно сглаживаются и все это поразительно быстро. Аппаратъ „АФРО“ дѣлаетъ тѣло свѣжимъ, крѣпкимъ, упругимъ, а кожу цвѣтущей, атласной, мягкой. Также для мужчинъ. Цѣна аппарата съ брошюрой и способъ употр. 2 руб., нал. плат. 25 коп. дороже. О-во „Меркурій“, Лодзь. 7. А.
4-4 37919

ВИНА и ЛѢЧЕБНЫЙ ВИНОГРАДНЫЙ СОКЪ.

имѣнія „БОЛГАТУРЪ“
Н. Н. БЕКЕТОВА
КРЫМЪ, ГУРЗУФЪ,

Въ С.-Петербургѣ: Невскій пр., № 18. Тел. 414-05.
Въ Москвѣ: Арбатъ, д. Бобылева. Тел. 139-25.
Въ Харьковѣ: Сумская, д. № 7.

Въ Севастополѣ: Нахимовскій просп.
Въ Ялтѣ: Набережная.
Въ Гурзуфѣ.
Въ Алуштѣ.
Въ Екатеринославѣ.
Въ Екатеринбургѣ. 36?94 20-20

Временно продаю по удешевленной цѣнѣ **вмѣсто 8 рублей**
Полное собраніе сочиненій (новое изданіе 1912 года) **4 рубля.**
ГЮИ де МОПАСАНА
въ 15 том.—4470 стр. на хорош. бумагѣ съ портретомъ, біогр. и характерист. литерат. дѣятельности, въ перев. лучш. русск. переводчиковъ: Е. Бартеневой, М. Лихтенштадтъ, С. Маримановой, Е. Булгаковой, М. Негрескулъ, Ѳ. И. Булгакова и друг. вм. 8 руб. за 4 руб.; въ изящн. коленкор. золочен. перепл. 6 р. (За пересылку въ Европ. Россіи на 1 р., а въ Сибирь и Туркестанъ на 1 р. 50 к. дороже).
Ф. Купчинскій. Въ японской неволѣ. Прекрасное изданіе на лучшей бумагѣ, съ 168 великолѣпн. иллюстраціями, прод. вмѣсто 3 руб. за 1 р. 37909 2-2
Н. Веревкинъ. Странички изъ дневника (очерки изъ жизни осажденнаго Артура), со многими портретами и иллюстрац., вм. 1 р. 50 к. за 75 коп. Полный каталогъ удешевл. книгъ по беллетр. и всѣмъ отраслямъ знанія высыл. безпл., по перв. требов. Книжн. магазинъ П. П. Глѣбова, С.-Петербургъ, Петерб. Ст., Большой пр., 35а.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА **1913 г.** (44-й годъ изданія).

НИВА

Еженедѣльный иллюстриров. журналъ со многими приложеніями.

Подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе 1913 года:

52 **№№ еженедѣльн.** художеств. литер. журн. „НИВА“: романы, повѣсти и разсказы, критич. и популярно-научн. очерки, біографіи, обзоры дѣятельности Госуд. Думы и политич. обозрѣнія; рис. въ краск., снимки съ картинъ, рисунки, фотоэтюды и иллюстраціи соврем. событій. Рядъ очерковъ и рисунк. будетъ посвященъ 300-лѣтію Дома Романовыхъ.

52 КНИГИ (при каждомъ № „Нивы“ по одной книгѣ), отпечатанныя компактнымъ, четкимъ шрифтомъ, въ составъ которыхъ войдетъ:

40 книгъ сборника „Нивы“ (полныя собранія сочиненій: Тютчева, Андреева, Вересаева и Мольера).

12 книгъ „Литерат. и популярно-научныхъ Приложеній“ (романы, повѣсти, разсказы. Отдѣлы: библ., смѣси, шахматъ и задачъ).

12 №№ „Новѣйшихъ модъ“. До 200 столбцовъ текста и 300 модныхъ гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ.

12 ЛИСТОВЪ: до 300 рукодѣльныхъ и выпильн. работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ.

1 ОТРЫВНОЙ (ежемѣсячный) КАЛЕНДАРЬ на 1913 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всѣми прилож. на годъ:

въ С.-Петербургѣ: безъ доставки—**6 р. 50 к.**; съ доставкой—**7 р. 50 к.**
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской—7 р. 25 к.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—7 р. 50 к.

Съ перес. во всѣ мѣста Россіи . . **8 р.** За границу—**12 р.**

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЕЖА въ 2, 3 и 4 срока.
Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается безплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Контору журн. „НИВА“, ул. Гоголя, 22.

40 КНИГЪ „СБОРНИКА НИВЫ“ 40 КНИГЪ

СОДЕРЖАТЪ ЧЕТЫРЕ ПОЛНЫХЪ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
(стоящія въ отд. продажѣ свыше 35 р. безъ перес.),
которыя подп. получатъ полностью въ теченіе одного 1913 г.:

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Ѳ. И. ТЮТЧЕВА.

Младшій сверстникъ и ученикъ Пушкина, старшій товарищъ и учитель поэтовъ послѣ-пушкинскаго періода, Тютчевъ внесъ въ поэзію то стихійное начало, которое отличало его душу. „Тютчевъ,—говоритъ Тургеневъ:—стоитъ рѣшительно выше всѣхъ своихъ собратовъ по Аполлону. Онъ—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ поэтовъ, на немъ одномъ лежитъ печать той великой эпохи, къ которой онъ принадлежитъ и которая такъ ярко и сильно выразилась въ Пушкинѣ“. Человѣкъ тончайшаго чутья—Тургеневъ находилъ въ стихѣ Тютчева почти пушкинскую красоту оборота.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Леонида АНДРЕЕВА.

Андреевъ—сынъ своего вѣка, много пережившій, способный глубоко задумываться и не находящій покоя, пока не придетъ отвѣтъ на измучившіе его „проклятые“ вопросы. По всей линіи жуткихъ вопросовъ—религіозныхъ, политическихъ, общественныхъ, прошелъ Андреевъ и каждый вопросъ измучилъ его, наполнилъ противорѣчіями, поразилъ тою своей стороной, мимо которой иные проходятъ съ равнодушнымъ видомъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ В. ВЕРЕСАЕВА.

Широкая извѣстность пришла къ этому писателю съ момента напечатанія его знаменитыхъ „Записокъ врача“. Въ современной беллетристикѣ Вересаевъ является пѣвцомъ русской идейной интеллигенціи, той, что не ушла съ головой въ провинціальную тину, но еще рвется къ лучшей жизни. Длинная вереница мужскихъ и женскихъ образовъ, мечтающихъ объ идейной работѣ, благородно идущихъ въ рукопашный бой съ пошляками и мракобѣсами, проходитъ черезъ главныя его повѣсти: „Безъ дороги“, „Повѣтріе“, „На поворотѣ“ и „Къ жизни“.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ МОЛЬЕРА.

Комедіи Мольера—неистощимый родникъ смѣха не празднаго и пустого, но мѣтко-сатирическаго, исполненнаго глубокой психологической правды, поучающаго глупцовъ и сбрасывающаго съ пьедесталовъ ничтожество и порокъ. Вся литературная сокровищница Мольера—огненный протестъ смѣлаго человѣка, одареннаго великимъ запасомъ честности и здраваго смысла рѣшительно противъ всѣхъ общественныхъ и личныхъ пороковъ.

ПОДАРКИ
изъ царства природы, самые интересные. Перечень безплатно. „Акваріумъ“, СПБ., Гороховая, 44. 37967

1913 г. VII годъ изданія.
„НАША ОХОТА“.
Журналъ посвященъ охотѣ и рыбной ловлѣ.
24 книги и приложеніе—5 руб.
24 книги и 2 приложенія—6 р. 50 к.
Требуйте подробное объявленіе.
Редакція: СПБургъ, Больш. Посадская, 18, кв. 4.
Пробный № высылается за 15 к. марками.
37948 2-2 Редакторъ Н. Н. Фокинъ.

ФОТОграфич. снимки парижск. жанръ (настоящ.). Пр.-кур. и образ. выс. въ закрыт. пак. по получ. 30 к. почт. марк. Парижъ, 20 (Франція) Paris, XX. Firme Bikalo. Фирма Бикало.

90 руб. въ мѣсяцъ

заработка для всѣхъ при удобной домашней работѣ. Разстояніе не мѣшаетъ.
Условія высылаемъ безплатно 37074 (21)
МЕЖДУНАРОДНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ВЯЗАЛЬНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ, Варшава, Новогродская, 9—12.

КАКЪ КОРРЕСПОНДИРОВАТЬ ВЪ ГАЗЕТЫ? 37258 52.14
Побочн. зараб. для кажд. Подробн. просъ за двѣ семик. мар. Адресъ: Кіевъ, ред. газ. „Народная Копѣйка“, отд. 3.

РУЖЬЯ
охотничьи первоклассной пражской работы рекомендуетъ
И. НОВОТНЫЙ
37078 ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ. (21)
Прага чешская (Австрія).
Прейсъ-курантъ высыл. безплатно.

Получить можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ. 37018 8-3

КАКЪ ВЫЛѢЧИТЬ РЕВМАТИЗМЪ?

Книга, высылаемая безплатно, скажетъ Вамъ это.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я страшно страдалъ ревматизмомъ почти во всѣхъ членахъ моего тѣла. Врачи и спеціалисты по этой болѣзни мнѣ не помогли и многіе изъ нихъ даже считали мою болѣзнь неизлѣчимой. Тогда я началъ пользоваться разными средствами, предлагаемыми газетными объявленіями, но и отъ нихъ не получилъ никакой пользы, и я уже было потерялъ всякую надежду когда-нибудь избавиться отъ страданій. Но прежде чѣмъ окончательно предаться отчаянію, я рѣшилъ изучить основательно эту болѣзнь и ея причины и тогда, быть-можетъ, найти и средство для лѣченія. Послѣ многолѣтнихъ упорныхъ трудовъ и изслѣдованій мнѣ наконецъ удалось открыть средство, которое превзошло всѣ мои ожиданія. То, что врачи не могли найти для меня, я нашелъ самъ, и теперь я совершенно здоровъ. Впослѣдствіи я сообщилъ о своемъ открытіи тысячамъ страдавшимъ этой болѣзнью и они также теперь излѣчены. 36564 12-11

Для того, чтобы всѣ страдающіе ревматизмомъ или подагрой знали, какъ имъ можно вылѣчиться отъ этой болѣзни, я написалъ книгу, въ которой наиболѣе подробно описалъ, какъ можно навсегда выгнать этотъ недугъ изъ организма. Я съ удовольствіемъ готовъ выслать совершенно безплатно одинъ экземпляръ моей иллюстрированной брошюры каждому страдающему ревматизмомъ и подагрой. Въ этой книгѣ указано, какъ легко и скоро можно у себя дома вылѣчить эту болѣзнь. Не откладывайте, а напишите сейчасъ же, чтобы Вамъ выслали эту безплатную книгу. Напишите свое имя, фамилію и полный адресъ на 4-хъ копеечной открыткѣ и отправьте по слѣдующему адресу: М. Е. Трейзеръ, № 37, Бангоръ Гаузъ, Шу-Лейнъ, Лондонъ, Англія.